

А. БОРОВИК

**Как я был
солдатом
американской
армии**

Артем Боровик

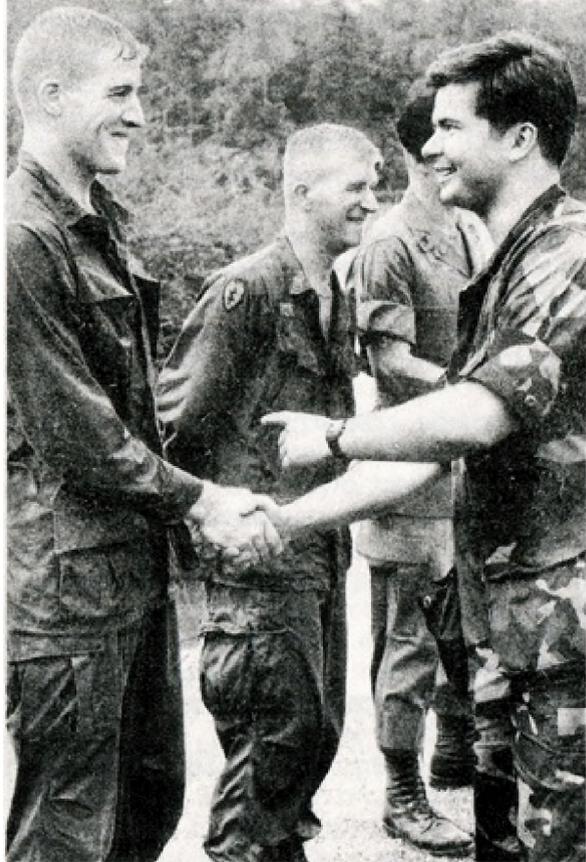
КАК Я БЫЛ СОЛДАТОМ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ

Оглавление

Предисловие
От автора
«Перестройка» — полным ходом!
Прощайте, шевелюра и... сигареты
Не бабья работа?
«Образ врага»
Должен ли солдат размышлять?
Пробежка с ветераном
Что сказал бы Суворов?
В кого я стреляю?
Странная страна Америка
Командир форта
Бог и армия
Маленький большой лейтенант
Доминик-Инееса из Чхонджу
Хребет американской армии
Портрет рейнджера
Последняя встреча
Иллюстрации

А.БОРОВИК

**Как я был
солдатом
американской
армии**

Предисловие

В наше время генералы, представляющие армии противостоящих военных блоков, достаточно хорошо знают друг друга; даже маневры проходят теперь как большие международные шоу — с многоязыкой речью на командных пунктах, с корреспондентами с Запада и Востока и франтоватыми переводчиками под маскировочным тентом.

Солдаты общаются не столь регулярно. Доселе им была оставлена самая противостественная форма общения — война. Солдатам вдумчиво объясняют, кого им надо будет прикончить в случае начала боевых действий: солдатский враг абстрактен, и поэтому о нем можно выдумывать что угодно.

Мы решили поспособствовать обмену солдатами. Направить нашего репортера в казармы армии США, а американского — в советскую казарму. Нельзя сказать, чтобы генералы потенциально противостоящих армий сразу же восхитились нашей идеей, даже напротив. Но в итоге репортер «Огонька» Артем Боровик все-таки отслужил в армии США срок, оговоренный предварительно, а корреспондент журнала «Лайф» Рой Роуан и фоторепортер Джим Нахуэй на неделю «внедрились» в Советскую Армию. Американский журнал опубликовал весьма комплиментарные заметки и фоторепортаж, которые, считаю, ничем не смогут подорвать оборонное могущество нашей Родины. Но то, что сделал в «Огоньке» Артем Боровик, гораздо глубже и интереснее публикации «Лайфа». Наш журналист увидел не только американскую армию изнутри, но, так сказать, и советскую — снаружи.

Он рассказывает прежде всего о людях, о том, чему и зачем учат американских солдат и офицеров.

Наука ненависти становится все более бессмысленной; в грядущем военном конфликте победителей быть не может. Впрочем, сама подобная формула содержит предположение о том, что шанс на сражение как способ выявления истины все еще теплится в переполненных ненавистью мозгах. Взрывчатки накоплено куда больше, чем хлеба и книг, взятых вместе, а ненависти — поболее, чем любви. Ненависть сжигает людей даже на неначатых войнах. Войны прошедшие вырубали в человечестве целые просеки — мы постоянно ощущаем это. Как мало стариков вокруг! Тех, кто мог бы быть стариком сегодня, убил Сталин и убила война — они пали от ненависти, от того, что один диктатор был обуян манией преследования, а другой — ненавистью к нашей революции.

Человечеству нужен мир. Советское правительство делает сегодня для мира много. Отстаивая общечеловеческие ценности, мы знаем, что ненависть к ним никогда не принадлежала.

Итак, журналист «Огонька» Артем Боровик, коммунист, награжденный в Афганистане медалью «За боевые заслуги», командирован в американскую казарму, получает возможность поглядеть в прицелы, сконструированные для того, чтобы видеть нас с вами. Все подготовлено для войны. Но, как бы там ни было, ракеты из наших стран не должны взлететь навстречу друг другу, ненависть не должна восторжествовать. В

постоянно ведущийся разговор о том, как же нам жить дальше, приходит и эта нота, неотделимая от разговора о ценностях общечеловеческих. В том числе — о праве на жизнь, одинаково важном и для нас, и для американцев. Каждое общество, каждая система продумывают свою самозащиту, это естественно. Но ненависть губит, а не защищает — как же строить жизнь в новые времена, в те самые, когда человечество способно уничтожить себя в доли секунды, но способно и жить богато и защищенно? На этот вопрос мы сможем ответить только все вместе...

Виталий Коротич

От автора

Сейчас — поразительное время. Время, когда вдруг начинают сбываться самые смелые, самые неожиданные, порой невероятные планы, мечты и идеи.

Многое из того, что стало возможным, даже банальным сегодня, во время перестройки, казалось совершенно нереальным, безумным или даже преступным всего-навсего несколько лет тому назад.

Время рвется вперед со сверхзвуковой скоростью. Наше сознание едва поспевает за ним.

Обмен корреспондентами между ведущими журналами СССР и США — «Огоньком» и «Лайфом» — и служба советского журналиста в американской армии, а американского в советской — идея, которую в момент ее рождения (летом 1987 г.) все окрестили «безумной». Даже В. А. Коротич воспринял ее как не очень удачную шутку. Однако, когда мы поделились нашей идеей с «Лайфом», американцы загорелись ею, и осенью в Москву приехал заместитель главного редактора «Лайфа» Питер Хау. На горизонте забрезжил призрачный призрак удачи.

Он, правда, исчез, так и не обретя плоти, через пару месяцев, когда наши военные сказали «Огоньку» коротко, но предельно ясно: «Нет!»

И все же еще через полгода они перестроились и изменили решительное «Нет!» на столь же решительное «Да!».

Словом, 14 июля 1988 года я оказался в Вашингтоне, а еще через несколько дней — в кабинете министра обороны в администрации Рональда Рейгана Фрэнка Карлуччи.

— Добро пожаловать в Пентагон! — улыбнулся министр. — Верно сказано: мир чувствует себя безопасней, когда солдаты противостоящих блоков смотрят друг на друга, сидя за столом переговоров, а не сквозь прицелы. В Форт-Беннинге ждут вас. Желаю успешной службы!

Так с легкой руки бывшего шефа Пентагона я почти на месяц превратился в солдата армии США.

«Перестройка» — полным ходом!

Возможно, есть рай и уж точно — ад.

А нам место здесь, не так ли, брат?

Солдатская маршевая

К августу небо вылиняло, став белесым, словно джинсы после многократной стирки. Голубизна осталась, скорее, в воображении, чем наяву.

В час, когда я добрался до закуской с бесперспективным названием «Конец пути», вечер еще не наступил. Было лишь его слабое предчувствие.

Вдали сквозь серую дымку едва проглядывалась ниточка горизонта, смутная и нечеткая, как ощущения человека, который мертвецки устал и хочет спать.

Остановив машину в условленном месте, я опянулся по сторонам. Фары машины напротив два раза вспыхнули дальним светом. Я ответил тем же и вылез наружу.

Подойдя ко мне, водитель посигналившего автомобиля снял противосолнечные очки:

— Я Билл Уолтон из Форт-Беннинга.^[1] А вы...

Я назвалса.

— Очень приятно, — улыбнулся он, но тут же стер улыбку с губ тыльной стороной ладони. — Командир Форт-Беннинга поручил мне сопровождать вас во время вашего пребывания на военной базе. Приглашаю в мою машину. Не возражаете?

Я не возражал. Уэйн Сорс, фотокорреспондент журнала «Лайф», направлявшийся вместе со мной в Форт-Беннинг, сел за руль нашей машины, я — в машину Уолтона, и мы рванули вперед.

Уолтон пристроился позади «джипа», битком набитого солдатами, который, повинувся лихой руке своего постоянно хохотавшего водителя, то и дело прыгал из ряда в ряд, хитро мигая при этом задними указателями.

Билл — невысокий, худенький, юркий человек лет пятидесяти восьми. Седая борода окаймляла его прокаленное на солнце Джорджии^[2] дубленное временем лицо, напоминавшее изборожденный танковыми гусеницами полигон с двумя крохотными аквамариновыми озерами. Одет он был в клетчатые штаны и розовую рубашку с короткими рукавами.

— Я работаю в отделе по связи с прессой, — сказал Билл, перехватив мой любопытный взгляд, — нам разрешается ходить в штатском. Знаете, чтобы не раздражать лишний раз гражданское население Колумбуса,^[3] не мозолить глаза...

Мы поравнялись с «джипом». Теперь он шел параллельно, справа от нас. Солдаты, видимо, затевали дорожную игру, не предполагая, что Билл сам из Форт-Беннинга. Я навел на парней свой фотоаппарат. Это подействовало на них так, будто я рассказал какой-то безумно смешной анекдот: бедняги просто надрывались от смеха.

Уолтон мрачно посмотрел в их сторону:

— Я, знаете ли, не последняя спица в колесе, — почему-то сообщил он в ответ на солдатский гогот. И, словно в доказательство сказанного, до конца утопил педаль акселератора.

«Джип» мгновенно потерялся в потоке машин где-то за нашими спинами. Обгон был совершен, словно акт жестокого, но справедливого возмездия.

Минут через десять мы въехали на территорию базы. Слева и справа то и дело

мелькали знаки «Сторонись: военная зона!».

— Форт-Беннинг создан более 70 лет назад, — сказал Билл и, подчиняясь дорожному указателю, сбросил скорость до двадцати миль в час. — Это один из основных учебных центров сухопутных войск армии Соединенных Штатов.

В его голосе все четче звучала нотка гордости. Мы миновали штаб Форт-Беннинга и установленную рядом с ним скульптуру бегущего солдата. Я решил сфотографировать ее.

— Не торопись, — махнул рукой Билл, — сфотографируешь его завтра. Я тебе обещаю: этот парень никуда не убежит.

Биллу понравилась шутка его же собственного изготовления, и он рассмеялся.

Мне всегда импонировали люди, которые сами шутят и сами потом больше всех веселятся. Я сказал об этом Биллу.

— Мне тоже, — ответил он и рассмеялся пуще прежнего. — А здесь живут лейтенанты и капитаны. — Билл кивнул на аккуратные приземистые коттеджи, расположившиеся рядом с дорогой.

Из-за поворота вынырнул «мустанг» — один из символов «шестидесятых». Рыкнул своим двигателем без глушителя и тут же скрылся, оставив за собой шлейф, сотканный из горьких выхлопов и, судя по вдруг изменившемуся выражению уолтоновского лица, ностальгии.

— Всегда мечтал иметь «мустанг», чтобы не ездить — летать. Да вместо него пришлось полетать на других машинах. На «хью» — слышал о таких?

— Конечно, — ответил я, — ваш основной вертолет во Вьетнаме.

— Да... Вьетнам... — сказал Билл и просвистел себе под нос мотивчик какой-то песенки.

Он круто повернул направо, дождался, когда нас догонит Уэйн Сорс, и опять прибавил газу.

— «Средний» молодой солдат, — продолжал Билл профессиональной скороговоркой офицера по связи с прессой, — прибывающий в Беннинг, двадцати лет от роду, весит 173 фунта,^[4] рост пять с половиной футов.^[5] Он со средним образованием и, главное, хочет по-настоящему служить, учиться. Его интеллектуальные и физические данные значительно выше, чем у «среднего» солдата 60-х годов...

— Это потому, что армия имеет возможность теперь сама отбирать наиболее подходящих людей? — спросил я.

— Да, конечно. К середине семидесятых мы отказались от всеобщей воинской обязанности и перешли на добровольную армию. Численность личного состава резко уменьшилась. Словом, мы потеряли в количестве, но приобрели качество. Теперь в армию идут лишь те люди, которые сделали этот выбор сознательно, добровольно. Именно поэтому они легче, чем их сверстники двадцать лет назад, переносят лишения, тяготы, физические и психологические перегрузки военной жизни. Повышение требовательности со стороны сержантов и офицеров они не рассматривают как издевательство. А это было характерно для солдатской психологии еще лет пятнадцать-двадцать тому назад.

Он вдруг улыбнулся и добавил:

— Так что ты передай своим, что мы тоже тут перестраиваемся. В нашей армии «перестройка» идет полным ходом... Важно и то, что представители армейских вербовочных пунктов, разбросанных по всей стране, постоянно работают со школьниками и студентами. Проводят среди молодежи агитационную работу, рассказывают о преимуществах армейской карьеры. И в конце концов выбирают из общего числа желающих лишь наиболее подходящих. А потом, знаешь ли, вообще здоровье нации по сравнению с 60-ми сильно окрепло.

Левая рука Уолтона мертвой хваткой впилась в руль, а правая отчаянно жестикулировала, то взлетая, то падая. Вдруг она замерла, и я увидел татуировку чуть выше локтя: «Дай мне смерть прежде бесчестья!».

Он опять перехватил мой взгляд:

— А, это... У вас, в России, в армии, небось, тоже есть такая мода, нет?

— Есть, Билл, конечно, есть.

— У меня на заднице, — заговорщически добавил он, — пропеллер наколот. Чтобы не утонуть в случае шторма!

— Билл, а если серьезно: каковы преимущества военной карьеры?

— Если серьезно, то преимуществ уйма. Во-первых, армия гарантирует тебе постоянный хороший заработок, бесплатное питание; безработица тебе не грозит. Во-вторых, после окончания контракта Пентагон оплатит два-три первых года твоей учебы в колледже или университете. В-третьих, армия даст тебе возможность бесплатно путешествовать, побывать в самых разных странах мира: я имею в виду службу на американских военных базах за пределами территории США. В-четвертых, армия бесплатно обучит тебя новой профессии. Перечисление преимуществ можно продолжить. Тебе не надоело?

Уолтон ничего не сказал о недостатках, а я не переспросил.

Мы обогнули здание, в котором у Паттона^[6] в 30-е годы располагался штаб. Прославленный генерал в ту пору командовал здесь дивизией.

— Форт-Беннинг, — продолжал Билл, — уникальный военный центр. Это единственный центр, дающий начальную подготовку пехотинцам армии США. Срок полной подготовки солдата — тринадцать недель. Поступившим на службу на протяжении этого времени категорически запрещено курить. Я, понятное дело, не говорю о наркотиках и алкоголе.

Я спросил Уолтона, есть ли у солдат, скажем, наряды по кухне, посылают ли их на строительные или сельскохозяйственные работы?

Он с удивлением посмотрел на меня:

— Нет, это исключено. Все внимание солдата сосредоточено на физической и боевой подготовке. В течение всех тринадцати недель мы им даже запрещаем читать газеты, слушать радио, смотреть телевизор.

— А в этом какая логика?

— Элементарная, — ответил Билл. — Газеты, телевидение и радио отвлекают солдат от

боевой и физической подготовки. Разрешается это в минимальных дозах и в порядке поощрения особенно старательных парней. Скажем, в воскресенье вечером кому-то позволят посмотреть десять минут телевизор. Все, basta.

«Хитро придумано: волевым решением они отрывают солдат от сложностей нашего мира и вводят в мир „приказных“ истин», — подумал я. Секундой позже спросил:

— Но ребята должны же знать, что творится в их стране и мире?

— Потом узнают... — Он плавно затормозил, и машину качнуло, словно лодку на волне. — Вот мы и приехали. Это здание, так сказать, «первичной обработки» поступивших на службу.

— В каком смысле? — не совсем понял я.

— Вон, видишь того строгого дядю, с седым ежиком на голове? Это полковник Ист. Спроси у него.

Офицер, на которого показал Билл, казалось, пять минут назад сошел с плаката «Ты нужен американской армии!». Я всегда подолгу рассматриваю такого рода плакаты, с которых к согражданам обращается розовощекий человек с волевыми чертами лица и очень строгий. Одна бровь неизменно вздернута. Подобные плакаты есть, похоже, во всех странах. Но создается впечатление, что штампует их один и тот же художник, меняя лишь лозунги.

Полковник Ист подошел к нам и протянул сначала Биллу, потом мне свою крепкую руку.

Он был одет в пятнистую полевую форму. На его могучем предплечье красовалась нашивка «Делай, как я!». Были и другие: «Рейнджер»,^[7] «Воздушный десантник». Всех нашивок я не успел разглядеть, потому что Ист развернулся и пригласил нас внутрь. Мы вошли в приземистое здание, по обилию использованного бетона напоминавшее бункер. Закрылись толстые стеклянные двери, отрезав меня от остального мира.

Прощайте, шевелюра и... сигареты

За окном беспомощно лепетала листва, словно хотела о чем-то предупредить. Но было поздно.

Массивные стены, полумрак, чистота, порядок — все это странным образом действует на психику, подавляет человека, впервые сюда попадающего. Видимо, именно такую задачу военные поставили перед архитектором, планировавшим здание.

— Это своего рода приемный пункт, — сказал полковник Ист. — Сюда съезжаются все только что поступившие на службу. Они сначала прилетают в Атланту ^[8] из своих родных штатов. Потом на автобусах добираются до Форт-Беннинга. Конечно, все транспортные расходы берет на себя Пентагон. Он же снабжает парней талонами на еду. Ребята поступают к нам одиннадцать с половиной месяцев в году непрерывным потоком. Исключение — рождественские и пасхальные праздники. В неделю через нас проходит обычно от 250 до 1000 человек.

Мы остановились у двери, которая вела в мрачного вида комнату без единого окна. В одной из стен — щель.

— В эту щель, заметил полковник, — каждый из поступивших на службу должен без свидетелей выбросить все то, что солдатам запрещается иметь с собой во время пребывания на территории центра, — наркотики, любые виды холодного и огнестрельного оружия, порнографические журналы, книги, алкоголь, сигареты. Запрещается также жевать и нюхать табак. Если кто-то оставил при себе что-то запрещенное и это обнаружится, будет наложен денежный штраф. Есть и другие виды взысканий.

— Полковник, — сказал я, — со мной ни оружия, ни порнографии нет, есть лишь пачка сигарет. Честно говоря, я иногда покуриваю. Как быть?

— Примите мои соболезнования. Это во-первых. А во-вторых, командир Форт-Беннинга двухзвездный генерал^[9] Льюер сообщил нам, что из Пентагона пришел приказ дать вам возможность стать на время *солдатом* армии США. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что принимайте правила игры.

И я принял. Вошел в комнату, закрыл за собой дверь и, убедившись, что рядом нет ни одного свидетеля, кинул в щель так и не распечатанную пачку «Явы».

Вышел оттуда, почувствовав почему-то, что совесть моя стала чуточку чище. Словно мне отпустили грех.

— Теперь распишитесь-ка вот тут. — Полковник Ист протянул мне лист бумаги, прикрепленный металлическим зажимом к тоненькой дощечке. — Но сначала ознакомьтесь с текстом.

Я ознакомился. Там было написано, что «если произойдет несчастный случай, я не буду подавать в суд на правительство Соединенных Штатов Америки». В самом низу — место для подписи. Я поставил ее, но сказал:

— Однако, если произойдет уж совсем несчастный случай, я при всем моем желании все равно не смогу подать в суд на правительство США.

Полковник Ист задумался. Билл Уолтон почесал затылок. Уэйн Сорс щелкнул фотоаппаратом и сказал:

— Назову этот снимок «Три мыслителя».

— Ладно, — махнул я рукой, — будем надеяться, что пронесет и мне не придется судиться с администрацией в Вашингтоне.

— Присоединяйтесь пока к этим вот жеребцам, — Ист кивнул на группу только что прибывших в учебку юнцов, — а я ненадолго отлучусь.

Ребята, среди которых я теперь оказался, с любопытством рассматривали друг друга.

— Ты откуда? — спросил меня длинношей парень, толкну в локоть в бок.

— Из Советского Союза, — ответил я.

Парень похлопал меня по плечу и сказал, что ему приходилось в жизни слышать шутки посмешнее моей.

— А ты откуда? — в свою очередь поинтересовался я.

— Из Коннектикута.

— Тебе чего — дома не сидится?

— Да я так, потехи ради. За компанию с приятелем. А потом, знаешь, я большой любитель всяких там походов, костров в лесу. Я весь штат облазил. А теперь вот решил — почему бы мне не делать то же самое, только за шестьсот долларов в месяц?! Вот и завербовался. А ты?

— Да я из Москвы, говорят тебе... — Но я не успел рассказать, что привело меня в Форт-Беннинг. Парень сделал на пятках разворот на сто восемьдесят, бросил через плечо:

— Ладно. Когда сменишь пластинку, дай знать...

Я отошел от него и направился в сторону мини-музея, расположенного неподалеку.

Табличка на стене гласила, что «приемная» Беннинга носит имя Джонстона, который воевал во Вьетнаме и был там убит. Рядом, в стеклянном кубе, висела форма одного из бывших американских военных советников во Вьетнаме. Чуть поодаль — форма некоего Райха. Он знаменит тем, что первым ступил на землю Гренады во время недавнего вторжения США. А вот выставка американских солдатских касок первой половины XX столетия.

— Между прочим, — сообщил Уолтон, — каска, в которой наш солдат дрался с немцами, а потом в Корее, была создана в Форт-Беннинге, на здешней кухне. По-моему, каким-то поваром. С этими поварами, ей-богу, одна умора...

За касками, чуть дальше и влево, на отдельной полке под стеклом сверкала под косыми ржавыми лучами заходящего солнца коллекция американских военных орденов и медалей: «Пурпурные сердца», «бронзовые» и «серебряные звезды», медаль «За заслуги»...

— Ну, что, «адепт», вперед и выше? — присоединившийся к нам полковник Ист явно повеселел.

Он проводил меня в кабинет, с первого взгляда напоминавший комнату для пыток: кресло, масса хромированных инструментов, огромный детина, смахивающий на мясника, с лезвием в могучих, покрытых густым рыжим волосом руках и таинственной улыбкой на губах.

— Сюда! — сказал детина и указал лезвием на кресло.

Я сел, почему-то вспомнив про недавно данную подписку. Детина сменил лезвие на визгливый электрический прибор. Через тридцать секунд все было кончено. Моя новая прическа называлась «туго и упруго» — стандартная стрижка новобранца. Такая же участь постигла и всех остальных только что прибывших в Беннинг парней.

Далее мы проследовали по очереди в рентгеновский кабинет, где сержант-пуэртиканец сделал пару снимков моих челюстей.

— Эта процедура, — объяснил Ист, — у нас в армии с 1986 года. В конце 85-го в гандеровском^[10] аэропорту потерпел аварию самолет, битком набитый солдатами. Внутри было такое кровавое месиво, что почти никого не удалось опознать. После этого решили, что рентгеновские снимки челюстей самое надежное дело.

Медицинская проверка и вакцинация заняли не более тридцати минут. Пневматическим пистолетом (давление — 1250 фунтов на квадратный дюйм), словно штампуя, солдатам делали прививки от всевозможных эпидемий — всего восемь

впрыскиваний. Анализ крови. Тесты на СПИД, наркотики и алкоголь. Отдельный тест, определяющий интеллектуальный уровень: вроде в нашей партии дураков не оказалось.

Жесткие меры приняты в американской армии против наркотиков. Если раньше, особенно во Вьетнаме, на эту проблему командиры смотрели сквозь пальцы, то теперь ситуация кардинальным образом изменилась. Человек, хоть раз замеченный в их употреблении, подлежит немедленному увольнению из рядов вооруженных сил. Официальная статистика свидетельствует: в 1980 году 27 процентов американских военнослужащих употребляли наркотики, в 1988-м — лишь 3 процента. «Наркомания, — сказал мне один сержант, — особенно подскочила у нас во время вьетнамской войны. Солдаты, возвращаясь домой, тащили эту эпидемию в Штаты. Или, скажем, молодой солдат попал в барак, где его соседями оказывались старослужащие — любители „полетать“.^[11] Они смотрели на него как на потенциального „стукача“. Единственная возможность избежать „засветки“ — превратить его в своего. Если он сопротивляется, у него начинаются неприятности. Мелкие, но регулярные. То мыло пропадет. То свет погаснет, когда он в душевой. То ботинки исчезнут и он опоздает на построение, а это наказуемо. Таким образом старослужащие втягивали молодых в наркоманию. С тех пор прошло лет пятнадцать. И сейчас, по-моему, эту проблему мы решили».

...Потом всем нам на шею повесили по металлической цепочке с двумя стальными пластинками. На каждой указаны твои фамилия, имя, дата рождения, номер страхового полиса. (В моем случае — номер заграничного паспорта.) Это «смертний». Если от человека останется одно воспоминание, быть может, при опознании трупа помогут эти пластины, которые солдаты окрестили «собачьими жетонами».

В следующем зале выдали по четыре зеленых полотенца, комплекты нижнего белья, зеленые хлопковые майки, нашивку с указанием фамилии (ее обязан носить каждый солдат и офицер над правым нагрудным карманом), нашивку «Ю. Эс. Арми», башмаки на шнуровке со стальными пластинами в подошвах (пригодился опыт вьетнамской войны, когда партизаны устанавливали шипы на тропах), несколько комплектов полевой пятипалой формы. Получили мы и по пластиковой коробочке с затычками для ушей.

— Солдатам приказано пользоваться ими в вертолетах, самолетах и во время учебных стрельб. — Полковник Ист продемонстрировал, как. — В противном случае люди покидают армию с сильной потерей слуха. Ведь даже треск автоматической винтовки М16 достигает почти 160 децибелов.

После получения экипировки здоровенный сержант сунул каждому из нас по карточке, где следовало указать фамилии родственников и адреса, по которым в случае чего будут отправлены «похоронки». О смерти тут заботились явно больше, чем о жизни.

Я внимательно вглядывалась в совсем еще детские лица ребят: многие из них, заполняя квадратные карточки, должно быть, впервые засомневались в своем бессмертии.

Парень, сидевший на курточках слева от меня, долго сосал кончик шариковой ручки, но потом в конце концов вывел адрес мисс Стоунвэй, которая проживала где-то в Вудбери.^[12]

— Кем она тебе приходится? — спросил я.

— Учительница.

— Почему ты не указываешь свой домашний адрес?

— Понимаете, если меня уьют, неохота портить настроение родичам...

— Выходную форму, — прервал наш разговор Ист, — сегодня выдавать не будем. Сделаем это через семь недель. К тому времени все вы сбросите лишний вес, поднакачаете мускулы. Словом, фигура изменится.

Я натянул пятнистые штаны и куртку. Полковник Ист помог подвернуть рукава, чуть выше локтей. Это здесь — целое искусство. Как у нас — портянки. Умение подворачивать рукава отличает бывалого солдата от новичка.

Мы спустились в солдатскую столовую. Впрочем, она общая. Тут, как и везде в американской армии, рядовые едят вместе с офицерами.

Сразу бросился в глаза здоровенный плакат у входа: «Кто твой злейший враг?». Чуть ниже ответ: «Иван!». Нарисован бравый американский рейнджер, протыкающий штыком советского солдата с красной звездой на каске.

Я вспомнил десятки офицерских и солдатских столовых у нас, в которых приходилось бывать самому. Вспомнил наши части и подразделения в Афганистане. Но нигде и никогда я не видел плаката, который бы призывал солдат убивать первого же подвернувшегося под руку «Джона». Не играем мы на ненависти к американцам.

— Здорово, — сказал я полковнику Исту, — вы своих «адептов» натаскиваете. С первого же дня! Даже в столовой. Это что, — я кивнул на плакат, — пожелание приятного аппетита а-ля Форт-Беннинг?

Честно говоря, настроение резко испортилось. Кусок в горло не лез. Ведь, как ни крути, призывали убивать меня. Или таких, как я. Подумалось: могли бы снять...

Ист широко улыбнулся и выдал длинную очередь неестественного, механического смеха.

— Наша столовая, — он поспешил сменить тему разговора, — конечно, не предел мечтаний для чревоугодника. Но мы, — он кивнул на Уолтона, — вполне довольны. Верно, Билл?

— Еще бы, — ответил тот, дожевывая второй сэндвич и запивая его апельсиновым соком.

Солдаты, выстроившись в очередь и держа перед собой подносы, брали с длинных полок тарелки с итальянскими макаронами, горячие сосиски, мясо, вареный картофель и рис, всевозможные соки, овощи, фрукты и пирожные, кофе с молоком и без.

— Каждому солдату, — сообщил Ист и сделал большой плоток горячего шоколада, — полагается 75 центов на завтрак и по доллару с полиной на обед и ужин. Если он укладывается в эту сумму, еда для него бесплатна. Если нет — ему приходится доплачивать из собственного кармана. Но трех долларов 75 центов вполне хватает, ведь налогов на еду здесь нет. Правда, каждый месяц мы делаем поправку с учетом изменений курса доллара. Офицеры же за еду платят.

— Еще как платят! — подхватил слова Иста ладно сколоченный подполковник, подсаживаясь за наш стол.

Полковник Ист познакомил нас.

— Здравствуйте, майор, — протянул мне руку через стол подполковник.
— К сожалению, должен вас разочаровать: всего лишь лейтенант запаса. Я журналист.
— Рассказывайте! — улыбнулся он и намазал гамбургер томатным соусом. — Кстати, у вас микрофон в правом или все-таки в левом ухе?
— Микрофон, — ответил я, — выпел из строя, когда я мылся в душе. Но фотокамера в виде искусственного зрачка работает вполне исправно. — И я подмигнул ему левым глазом.
— Не забудьте прислать мне из Москвы пару снимков. Идет?
— Идет. Спасибо за компанию.
Встав из-за стола, Уэйн Сорс и я направились к выходу. Хотелось подышать свежим воздухом.

Не бабья работа?

Жара стояла, как в сауне, и я выпил на голову остатки воды из фляги.
Солнце медленно заходило на посадку, отстреливаясь последними косыми лучами, словно трассерами.
Мы пересекли поле для игры в гольф. Оно было гладким, как морская вода в тихое, ясное утро. Лишь с края изумрудной волной тянулась гряда приплюснутых холмов.
— Траву они здесь стригут, — заметил Сорс, — как солдатские затылки.
— Верно, согласился я, — «туго и упруго».
Сорс перезарядил фотокамеру и по-хозяйски огляделся вокруг в поисках стоящего кадра. Над нашими головами пролетала стая уток, и Сорс, переключив аппарат на «автоматическую стрельбу», выдал серию очередей по птицам.
— Так ты им всеуток перестреляешь.
— Ничего, таким «автоматом» стрелять можно. Я с ним пол-Филиппин обошел...
И он принялся рассказывать историю о том, как пару лет тому назад внедрился в один из отрядов Новой народной армии Филиппин.^[13] Как вместе с партизанами прятался от правительственных войск. Как был на волосок от, казалось, верной гибели и как все-таки выжил, хотя и подхватил весь «боекомплект» тропических болезней.
Незаметно стемнело. Мы оказались у могучего, разлапистого тутового дерева. За столиком под его кроной сидели две девушки в военной форме.
— Здравствуйте, — сказала одна из них — Вы, кажется, не местный?
— Нет, — сказал я, решив не уточнять, откуда именно: все равно она бы мне не поверила.
Сорс разговаривал с другой девушкой. Было темно, и я слышал лишь ее грудной смех.
— Так откуда же?
В ответ я неопределенно махнул рукой в сторону тлеющего заката.
— А-а, — задумчиво произнесла она, словно я дал ей исчерпывающий ответ.
— У вас есть время?

— Да, почему вы спрашиваете?

— Тогда, — я сел за столик, — расскажите мне о себе.

— К чему вам? — рассмеялась она.

— А я коллекционирую истории человеческих жизней. Но в данном случае меня особенно интересует тот роковой момент, когда вы решили пойти в армию.

— Я пошла в армию влед за подружкой. Решила: понравится — останусь, не понравится — уйду.

— И вам, конечно, понравилось...

— Да. И знаете чем? Тем, что только в армии я чувствую себя совершенно равноправной с мужчинами.

— Вы феминистка?

— Нет, бог с вами. А что, похожа?

— Напротив, вы очень красивая.

Она засмеялась.

— Смеху вас, — заметил я, — не солдатский.

— ...А потом, — продолжала она, — я обожаю прыгать с парашотом. «На гражданке» за такие удовольствия надо платить.

Она заговорила о прыжках, а я подумал: за последние десять лет Пентагону удалось создать вокруг армии атмосферу военной романтики. Молодежь теперь смотрит на службу как на приключение, как на возможность попутешествовать, как на спорт. Это привлекает даже молоденьких девчонок. Сегодня двенадцать процентов всей армии США — женщины. Четыре из них имеют звания бригадного генерала. Женщины тренируются, занимаются боевой и физподготовкой наравне с парнями. Спят в общих бараках, правда, им выделяют отдельный угол или этаж. Только замужние, да те, что с детьми, проживают в отдельных коттеджах...

— Вам скучно? — Она легонько щелкнула ногтем по стекляшке моих часов.

— Нет, просто задумался. Но скажите честно, ребята в вас видят все-таки женщину или солдата?

— Если вести себя нормально, то никаких проблем не будет. Тут такая изматывающая подготовка, что просто-напросто не остается сил думать о чем-либо постороннем. Встаю я в пять утра: у меня ведь ребенок, ему надо еду приготовить... Да, не удивляйтесь, я была замужем. Он тоже военный. Вместе служили в Германии. Потом я забеременела. Ушла по его настоянию из армии: муж считал, что это не бабья работа. Он мечтал, чтобы я была классической домохозяйкой, — срабатывал его «ожный образ мышления». Я, дура, послушалась.

Она была так увлечена своим рассказом, что даже не глядела в мою сторону. Сделав короткую паузу, перевела дыхание. Опять заговорила:

— Мне очень хотелось обратно в армию. Из-за этого пошла на развод. Легко ли матери-одиночке? По крайней мере легче, чем «на гражданке». Армия обеспечивает бесплатное медицинское обслуживание, на лекарства не надо тратить. А ведь они жутко дорогие там...

Она махнула в сторону Колумбуса и, видимо, всей прочей Америки. На секунду о

чем-то задумалась. Потом продолжала:

— Днем — служба, а вечером я посещаю вечерний факультет Университета Алабамы,^[14] которому командование Форт-Беннинга выделило на своей территории отдельное помещение. Кроме того, армия платит за мою учебу. Зарабатываю я больше тысячи долларов в месяц. А на гражданке я бы в лучшем случае получала около восьмисот долларов, устроившись, скажем, продавщицей. Так вот...

— А кто сейчас сидит с ребенком?

— Сестра. Она приехала погостить: у меня двухкомнатная квартирка здесь же, на базе. Но когда она уедет, я отдам сына в детский садик...

Сорс тем временем опять принялся щелкать фотокамерой. Лицо его собеседницы периодически вспыхивало в ночной тьме.

— А потом, — моя новая знакомая погладила поверхность стола ладонью, — очень важно, что в армии людей заставляют заниматься спортом. У меня самой воли бы не хватило. А здесь это составная часть службы.

— Мужские и женские нормативы отличаются?

— Незначительно, — ответила она, — я, например, отжимаюсь на руках шестьдесят раз за две минуты. Ребята — на пятнадцать раз больше.

Честно говоря, я ей не очень-то поверил: шестьдесят раз все же не шутка! Дождавшись, когда в очередной раз сработает сорсовская фотовспышка, я плянул на руки девушки.

Сомнения мои были напрасны: под завернутыми рукавами пятнистой куртки горбатились мощные бицепсы.

— Да вы культуристка!

— Бросьте, просто в жизни надо быть сильной.

Провожая ее, я дал себе слово начать делать утреннюю зарядку. С понедельника.

— Ну, прощайте, — улыбнулась она, вбежав на крыльцо коттеджа.

— Прощайте.

— Между прочим, один вопрос вы мне все-таки забыли задать, хотя, кажется, спросили обо всем.

— Это какой же? — удивился я.

— Ладно, отвечу и так, меня зовут Энн. Энн Мари.

Ветер всю ночь не давал спать. Выл, собака, скулил, просился внутрь. Казарма наша, построенная еще в середине тридцатых годов, в ответ что-то хрипло ворчала, по-стариковски скрипела. Словом, ночь выдалась что надо! Вдобавок вентилятор, от любопытства — советский в казарме! — крутивший головой то вправо, то влево, уставился на меня неподвижно и надул шею.

«Образ врага»

...Кажется, легче согнуть ствол автоматической винтовки М16, чем поднять голову.

— Хорош дрыхнуть! Просыпайтесь! — орет негр-сержант, ворвавшись вместе с ветром вовнутрь. Крючковатым пальцем он оттягивает воротник от кадыка размером с кулак, ворочает африканскими, с кровавым подмесом, белками, шумно дышит, стучит каблуками по доскам пола.

— Эх, — раздается со второго этажа койки, — всхрапнуть бы еще часок...

Я усилием воли навожу глаза на резкость: это Вилли. Я познакомился с ним вчера, когда вернулся в казарму, проводив Энн.

— Вилли, ты как? — интересуюсь я.

— Как лайнер на взлете, — он делает плавное движение рукой вверх, — башка уже в небесах, а задницу от земли все никак не оторву: сила притяжения, так ее и разэтак! Но ведь сержанту не объяснишь! Он зол и не сентиментален. У вас они тоже такие?

— Абсолютно!

— Я так и предюлагал. Нет, не коммунисты и не капиталисты правят миром. Сержанты!

Вилли, по-моему, самый юморной малый в роте. Эдакий циник-плодовед: все про всех наперед знает. Пока лишь я для него крепкий орешек. Но уже, видимо, и я взят на прицел его М16, магазины которой заполнены не патронами, а бронебойными шутками.

Ребята запролаивают койки. Трут кулаками глаза. Словно заново привыкают к миру.

Вилли остервенело трет зубы щеткой, словно пытается содрать окалину. Но сквозь плотно сжатые челюсти и волдырящуюся зубную пасту он умудряется напевать. Так, для понта:

Э-гей баба-риба,

Э-гей баба-риба!

Как хочется мне, чтобы все девчонки

Были пирожными на прилавке.

И если б был кондитером,

Я ел бы их в лобом порядке.

Э-гей баба-риба,

Э-гей баба-риба!

Как хочется мне, чтобы все девчонки

Были колоколами.

И если б был я звонарем,

Звонил бы в них часами.

Допекает он эту песенку, натягивая форму и влезая в бутсы:

Э-гей баба-риба,

Э-гей баба-риба!

Как хочется мне,

Чтобы все девчонки были

Кирпичами,

И если бы был строителем я,

Укладывал бы их своими руками!

Собственно говоря, то не просто «солдатская шуточно-подпольная», нет. Это строевая

песня, под которую они здесь маршируют.

Вилли запикивает обратно в железный узкий шкаф бритву, зубную щетку, полотенце, присыпку для ног и захлопывает дверцы, с внутренней стороны которых — туда еще не пробралась вездесущие глаза сержанта — ему подмигивают вырезанные из журналов обнаженные красотки. Вилли мчитя во двор.

Лайнер взлетел.

Трамбля ботинками землю, солдаты строятся. Сержант уже ждет Вилли.

— В чем дело, рядовой? — Сержант зло изгибает бровь.

— Рядовой Джонсон явился, — не совсем уверенно говорит Вилли. Сержант опять оттягивает воротник от кадыка, нервно поводит плечами: видно, Вилли не по форме доложился.

У меня в памяти всплывает моя родная учебка. Наш прапорщик в таких случаях кривил рот, скалил зубы: «Является черт во сне, а рядовой что делает?» — «Прибывает, товарищ прапорщик! Он прибывает!» — «Прибывает поезд, а рядовой что делает?» Это могло продолжаться до бесконечности.

Приблизительно то же самое происходит и здесь.

Вилли уже стоит в строю слева от меня. С него все как с гуся вода. Зло опечерив зубы, он, видно, крепко про себя ругается. Потом вдруг остывает, шепотком спрашивает:

— Ты, говорят, брал интервью у командира форта? Он умный?

— Он лысый! — Парень справа опережает меня с ответом.

Сдавленный смех

...Четыре часа утра. Зябко. Хочется спать. Идем в столовую. В такую рань завтрак кажется насилием. И все же бежон с яичницей, апельсиновый сок, поджаренный хлеб и пончики за десять минут переключиваются с тарелок в солдатские желудки. Горячий черный кофе, будоража сонные мозги, теплом разливается по телу. Теперь хоть внутри не так холодно.

Строем идем восемь километров. На ходу втираю в кожу лица предписанную армией маскировочную «кюметику»: зеленую и серую краску. Темные тона — на выпуклые части лица. Светлые — на вдавленные. Теперь мы все одной расы — пятнистой. Негра от белого не отличить. Как ни странно, но многие здесь верят, что с этим нововведением в армии поубавилось инцидентов на почве национальных предрассудков.

Чеканя шаг, сержант запекает, солдаты дружно подхватывают:

Еще вчера водил я «кадиллак».

Взамен него таскаю нынче я рюкзак!

Э-э!

У-а!

Ухаживал я за одной красавицей когда-то,

Теперь — вместо нее —

Хожу в обнимку с автоматом!

Э-э!!

У-а!!

Слева и справа медленно, в такт нам, маршируют, уходят назад леса. Время от времени мимо проносятся военные грузовики, обдавая нас гарью. Вот показалась М-3 («брэди»).^[15] Из-под ее гусениц рвется во все стороны рыжая горькая пыль. Своими фарами она слепит нас, кромсает жидкую предрассветную тьму.

— Стало быть, ты советский? — спрашивает Вилли, хотя прекрасно это знает. — Для тебя надо срочно придумать особую строевую. Скажем, так:

Когда-то гонял я на ЗИЛе,
Теперь таскаю его на спине!

Э-э!

У-а!

Он еще раз повторяет этот куплетик, потом спрашивает:

— У вас ведь есть машина ЗИЛ?

— Не у меня.

Опять раздается зычный сержантский баритон с легкой примесью хрипотцы. Сержант явно забывает рык уже почти растворившегося в пепельной дымке «брэди». Ребята подхватывают. Голоса их, словно ручьи, переплетаются, постепенно сливаясь в один мощный поток:

Эй, солдат! Послушай, брат, меня.

Не горюй, нет нужды рыдать

И вспоминать былое —

Все равно ведь Джоди присвоил себе

Твой «кадиллак»

И все остальное...

— Кто такой этот Джоди? — спрашиваю Вилли, тпась превозмочь громыхание сотен ботинок.

— Большая сука. У вас Джоди тоже есть. Только имя его звучит иначе. Солдаты так называют парня, который кадрит и в конце концов уводит твою девчонку, пока ты топчешь пыль на военных базах. Потом она присылает тебе письмо «Дорогой Джон!». Джоди... Они водятся во всех странах...

— «Дорогой Джон», ты сказал?

— Именно. Американский солдат окрестил так то самое «послание» от любимой, в котором она дает ему отставку и сообщает, что встретила «настоящего человека», выходит за него замуж... Ну и все такое в том же духе. Если честно, я сам был Джоди до армии. Но в данное время мы с этим типом по разные стороны баррикады.

Жердястый парень в одном ряду со мной, но чуть левее, кивает Вилли. В знак согласия. Медвежковатый увалень наискосок справа, каждый шаг которого сотрясает матушку Землю, мрачно сводит к переносью глаза и резким щелчком безмянного пальца сбивает с кончика носа повисшую каплю пота. Он делает это с такой ненавистью в глазах, словно она и есть Джоди.

Рюкзак мой трепыхается промеж лопаток. Весит он со всем своим содержимым, включая спальник, около пятидесяти фунтов. На груди позвякивают «собачьи жетоны».

— Слушай, — спрашиваю я Вилли, — и сколько ты собираешься шагать?

— Еще минут тридцать.

— Я не про сегодня. Я про жизнь. Пять лет? Десять?

— Не решил. Зависит от того, какое настроение будет под конец контракта. Я завербовался на три года. Может, продлю. Может, в колледж пойду. Понимаешь, после двадцати лет службы в армии ты получаешь пенсию в размере 50 процентов твоего последнего оклада. После тридцати лет в размере 75 процентов. Поглядим...

Вдруг, словно долго и мучительно выходявший осколок времен «холодной войны», прорезалась мысль: случись настоящая, всамделишная война, — что, если судьба сведет нас во второй раз, точно так, как, не спросясь, свела нас сейчас, но при иных обстоятельствах, когда мы будем, выражаясь его же словами, «по разные стороны баррикады», — неужели он, этот славный малый Вилли, с которым мы так быстро закорешились, попрет на меня, а я — на него, в пыткувую? Неужели мы будем калечить друг друга, кромсать, колоть и убивать?

Я пляжу на него, он — на меня. И, кажется, думаем мы об одном и ужасаемся одной и той же мысли. Ледяная стена вырастает между нами. Мы оба молчим, набычась. Тяжелая, настоящая на зле, дурманящая голову кровь пульсирует в висках.

Страшно, нелепо и безумно!

Или это солнце виновато? С его кровавым восходом все предстало вдруг в ином свете. Южная, всепроникающая радиация? Ее воздействие на воспаленный от жары, небывалых впечатлений и недосыпа мозг?

Ведь совсем недавно все виделось иначе. А сейчас — кругом одни враги. А ты — в их логове. Один-одинешенек. Холодно становится от мысли этой.

Надев ботинки американского солдата, кем ты стал? Врагом самому себе? Даже материя их пятнистой зеленой формы действует теперь как сильный аллерген: волосы на руках дубом встали, коже от соприкосновения с ней больно, ее точно «ломит».

А память, соревнуясь с воображением, продолжает услужливо подбрасывать во все еще охваченный пожаром мозг новые поленья. Вспомнился плакат в столовой.

Но еще столетия назад сказано: враг не вне, а внутри каждого из нас. Потому — войи с собой.

Враг — осколок, цепко сидящий во мне? Он прорезался. Но не вышел. Застрел в кости черепа.

Как все-таки легко живется, когда есть «внешний враг». Все свои грехи, проблемы, провалы, недочеты, диктатуру, репрессии, дефицит сахара, ложь, дефицит добра, маккартизм, застой, черствый хлеб в булочной, Сталина, инфляцию, скисшее молоко в магазине, падение жизненного уровня, «уотергейт», «рашидовгейт», обозленность людей в автобусе, зажим «гласности», дело Чурбанова, баснословные прибыли военно-промышленного комплекса, «ирангейт», дело полковника Норта, засекречивание, прослушивание телефонных разговоров, Сумгаит, расовые волнения, невыполнение плана, ввод войск в Афганистан, порушенные карьеры наиболее талантливых людей, рождественские бомбардировки Ханоя, провалы ЦРУ, антисемитизм, импотенцию, «двойку» по арифметике, убийство Кирова и Кеннеди, покрывшуюся мохом колбасу на

прилавке, очереди, неудачи в космосе, скандал на кухне, анонимки, проблемы ветеранов, блат, пьянство, национальные проблемы в Прибалтике, тараканов в квартире, цинковые гробы, доставленные «черным тюльпаном», шовинизм, преждевременную смерть, общественный пессимизм, проституцию, аварию на атомной электростанции, Пиночета, массовое убийство детей, женщин и стариков в деревне Сонгми, взяточников на партконференции, третью мировую войну, забор, карточки на продукты, поражение на президентских выборах, фригидность любимой, проколотую шину, эпидемии, рок-концерт, ливень, убийство в подворотне, вонь из мусоропровода, кладбище нереализованных идей, аборт, травлю Пастернака, ведьм, уничтожение Якира и Тухачевского, наркоманию, бездарный роман, полет Руста, извержение вулкана, успех коллеги, грязные рубашки после химчистки, «дело врачей», неурожай, привод в милицию, избрание К. Черненко Генеральным секретарем, распятие Христа, «правый уклон», падение курса доллара, предательство — словом, как легко объяснить всю эту какофоническую порнографию нашего мира наличием «внутреннего» или «внешнего врага», происками зарубежных разведок, масонов, международной напряженностью и заговорами реакции.

Во время суда над уотергейтскими взломщиками их спросили:

— Кто вы по профессии?

Ответ последовал незамедлительно:

— Мы — антикоммунисты!

Во время суда над одним высокопоставленным московским жуликом ему, как мне рассказывали, был задан аналогичный вопрос. Он поднялся со скамьи и, подтянув в штаны, истовым голосом праведника-правдолюбца-патриота-интернационалиста выкрикнул:

— Я борец за освобождение мирового рабочего класса от ига эксплуататоров. Я человек. Я совершал ошибки. Но помыслы мои были чисты!

Два разных эпизода, но суть одна: виноват «внешний враг»! В его роли может выступать что угодно и кто угодно: иной образ мышления, чужой стиль жизни, другая социально-экономическая система, целый народ — русские, американцы, евреи, арабы, негры и, конечно же, коллекционеры минералов.

— Но почему коллекционеры минералов?! — застучит кулаками по столу какой-нибудь специалист по обнаружению «врагов». — Почему они?!

— А почему американцы? Почему русские?

Мир меняется. К концу XX столетия проблемы и кризисы все чаще возникают не из-за провокаций «внешних врагов», а из-за того, что элементарная ссылка на их наличие позволяет иным правителям и окружающей их бюрократии засекречивать свою деятельность, выводить ее из-под контроля прессы, парламента и народа. Прием старый, как Земля. Бесконтрольность ведет к вседозволенности. Вседозволенность — к «уотергейту», «ирангейту». Или застою. А «уотергейтчики» и «застойщики» спешат объяснить все грехи свои «происками врага». «Внешний враг» — их лучший друг. Народ, журналисты, гласность — их злейшие враги. Демократия противопоставлена коррумпированным королевичам. Но не королевствам. Если Никсон был вынужден уйти в отставку, а Чурбанов — сесть на скамью подсудимых, это значит, что демократия в этих

случаях сработала.

Нет, не Вилли — причина наших бед, не он противник Советского Союза. Как, впрочем, и не «Иван» — угроза благополучию американцев.

...Устав от контрапункта мыслей и резкого перепада чувств, я сдвигаю каску на затылок и украдкой гляжу на Вилли. Не удержавшись, улыбаюсь. И улыбка моя, точно в зеркале, мигом отражается на его потном лице. Пять минут назад оно казалось зеленым от ненависти, но теперь-то ясно — от армейской косметики-камуфляжа.

Должен ли солдат размышлять?

На плацу установлены штук двадцать минометов. Разинув пасти, они тупо пялятся в небо. Солдаты группами выстраиваются напротив. Сержанты разбирают минометы. Каждой «тройке» предстоит сдать «зачет» — собрать и навести оружие, уложившись в 90 секунд.

Глядя на секундомеры, сержанты начинают яростно выкрикивать команды, а солдаты, хором повторяя их, — собирать минометы. Все это напоминает муравьиную суматоху. На плацу поднимается горячая пыль, сквозь которую едва пробивается солнце.

Спрашиваю сержанта, стоящего поблизости.

— Сколько лет вы в армии?

— 13 лет, сэр! — орет в ответ он.

У него сильный акцент.

— Вы из Мексики?

— Так точно, сэр!

— Почему вы так официальны? Я же не ваш начальник.

(Тут же искрой вспыхивает мысль: иной солдат начальства боится пуше смерти.)

— Я всегда так разговариваю, сэр! — выкрикивает он.

— Даже с женой?

— Нет, сэр! Не с женой!

— Когда вы попали в Америку?

— В 1971 году, сэр! Мой отец эмигрировал. Сам я был натурализован^[16] три года назад.

— Почему вы пошли в армию США? Вы же мексиканец.

— Я хотел послужить стране, которая оказала мне и моей семье гостеприимство...

Сэр!

— Вы часто вспоминаете Мексику?

— Да, то есть нет, сэр! То есть иногда, сэр!

Замечаю рядом улыбчивого офицера. Его лицо уже примелькалось. Куда бы я ни приехал, в какое подразделение ни направился, он уже там. Отзываю Билла Уолтона в сторону:

— Билл, я знаю, что в каждой армии свои правила, что даже американских

журналистов вы не оставляете наедине с солдатами, но, как бы вам объяснить... Словом, этот сержант чувствует себя малость неловко, когда вон тот малый, — указываю на улыбчивого офицера, — фиксирует все мои вопросы и его ответы.

— Он здесь совершенно с другой целью. Он здесь... Так сказать... Ну а во-вторых — Билл оглядывается по сторонам, словно в поисках ответа, — ему поручено следить, чтобы солдаты не позволяли себе в разговорах с тобой никаких антисоветских заявлений.

— Билл, даже если это произойдет, я не буду просить Москву нанести ядерный удар по Форг-Беннингу. А разговаривать с солдатами его присутствие мешает.

— Нет, нет, есть строгие правила, а правилам надо подчиняться.

Разговор этот, понятно, ничего не изменил. Разве что улыбчивый офицер стал еще более улыбчив.

Поскольку сегодня на нас каски старого образца, изобретенные когда-то беннинговским поваром, то сержанты разрешают их снять и остаться лишь в пластиковых подшлемниках. Современные каски монолитны, и в жару они больше напоминают скороварки.

Постоянно раздается приказ пить воду из фляг. Это профилактика против перегрева и солнечного удара. Воду в солдат буквально вливают. Если в период Вьетнама ее мешали с соевыми растворами, то теперь от этого армия США отказалась. Считается, что соли оказывают вредное воздействие на организм, особенно на сердце, желудок и почки. Это противоречит точке зрения наших военных медиков. В Афганистане я плотал таблетки, которые, как предполагалось, компенсировали потерю важных солей, вымываемых из организма в условиях жаркого климата и сильных физических перегрузок.

У сержанта Коуэлла редкая нашивка — «Си-ай-би», свидетельствующая о том, что ее владелец принимал участие в боевых действиях. Иногда ее дают людям, находившимся в зоне боев не менее шестидесяти дней.

Сержант Коуэлл участвовал во вторжении США на Гренаду. Он называет это именно так — вторжение:

— Я служил в Форт-Брагге в 82-й дивизии.^[17] У нас были учения. Вдруг объявили тревогу. Не придал ей значения. Тревоги — дело обычное. Поднялись на самолетах в воздух. Для тренировочного десантирования мы обычно летали во Флориду: там нас и сбрасывали. Я еще обрадовался... Водички хотите?

Коуэлл показывает мне зубы. Оказывается, это улыбка: она горбатит нос, оттягивает его кончик вниз. Сержанту, должно быть, очень больно улыбаться: багровое от солнца лицо шелушится, кожа натянута, словно резина надутого до предела воздушного шарика. Он поворачивается на секунду ко мне боком, что-то кричит солдатам. На рукаве под шевронами желтеет горизонтальная планка: запутаешься от обилия знаков различия. Шудировал их перед поездкой. И все равно — чуть ли не каждый час открываю для себя новые.

— О том, что будем прыгать на Гренаду, — продолжает он, — узнал за десять минут до начала десантирования. Пока торчали на острове, получали «боевой оклад» — на сто долларов больше обычной ежемесячной зарплаты.

— Как вы относитесь к тому, что вам пришлось принимать участие в боях на чужой

территории? — Мне важно услышать его ответ, потому что через четырнадцать лет после вьетнамской войны большинство американцев, с которыми доводилось беседовать, воспринимают как нечто естественное участие своей страны в военных конфликтах за рубежом. Кажется, они вынесли из Вьетнама лишь один урок: война должна быть победоносной и молниеносной.

— Это наш долг, — сержант мнет пальцами переносицу, — защищать США и другие страны.

— Вы уверены, что Гренада хотела вашей защиты?

— Нас так информировали, сэр!

Опять «сэ-эр»! Чуть что — сразу «сэ-эр»! Или это подвид словесного камуфляжа, разновидность маскировки?

Солдаты на плацу орут так, что хоть затычки запихивай в уши. Этим криком они доводят себя до состояния экзальтации. Но сержантские голосовые связки все равно мощней. Они запросто перекрывают хрипкое солдатское многоголосие.

Сержант Тэнли бросается в плаза своей медвежьевой фигурой, энергичным лицом и узкими индейскими глазами, в которых кошачьи зрачки движутся, как пулеметы в щелях для стрельбы.

— Чего я в армию пошел? — переспрашивает он. — Воспитан так. Отец тоже был военным. Сражался во Вьетнаме. Убит в 69-м. Дед служил на флоте.

— Вы в Штатах безвыездно?

— Нет, я был в Европе. В Западной Германии. Честно говоря, мне там очень нравится.

— Больше, чем в Форт-Беннинге?

— Больше. Люди там общительнее. Тренировались мы вместе с немцами: у каждой американской части есть «сестра-немка». Наше командование там очень печется о поддержании «дружеских отношений с местным населением».

— Западные немцы — хорошие солдаты?

— Высший класс! — Ответ следует моментально.

— Что особенно запомнилось из службы, из жизни там?

— Немецкие женщины. Да... Конечно, они. Я женился на одной из них. И вам советую.

— Немки отличаются от американок?

— Среди американок не осталось хороших домохозяек. Их всех тянет на работу. Они слишком приучены к *соуилз лайф*.^[18] А моя немочка сидит дома. Я прихожу: квартирka чистая, ужин готов, пиво в холодильнике. Словом, я свободен, как джинсы без молнии. Это и есть «немецкое чудо». Холостяки любят служить за рубежом. Охота бесплатно помотаться по свету, пока молод и докуки не одолели. Семейные... этот народ предпочитает Америку. Муторно всей отарой сниматься с обжитого места, седлать новое. Дело понятное. Но я легок на подъем.

Рядовой Карел Кристофер сегодня победитель: он собрал миномет за 62 секунды. Всем своим видом напоминает триумфальную арку: не подступишься. Ему 21 год. Из поляков: прадед перебрался в Штаты, здесь женился, осел. С тех пор и пошла в его роду

польская кровь смешиваться с американской.

— Я завербовался в армию, потому что мне нужна была самодисциплина, — сообщает он, барабанив пальцами по трем магазинам для М16 на груди. — Пригодится эта вещица в жизни. Да и денюжат поднакоплю. Получаю 620 в месяц: это стабильняк. Трачусь лишь на гуталин да на зубную пасту. Отмарширую свое, отстреляю, а под юнец куплю себе что-нибудь «горяченькое» — «корвет». Или «торнадо»: цилиндры у ней — р-р-р-р-р... Заслушаешься. — Чуть прикрыв белобрысые, редкие ресницы, он крутит намозоленными руками воображаемую баранку. Жмет правой ногой на «газ».

— Карел, — я возвращаю его из автомобильных грез в Форт-Беннинг, — убежден, что мечта твоя сбудется. Я уже сейчас слышу, как визжат девчонки, когда ты садишься за руль. Но ответь мне на такой вопрос. Вот представь, что мы попали в 68-й год. В Форт-Беннинг. Тебе светил прямая дорога во Вьетнам. Твой ближайший друг отказался от службы по политическим мотивам. Нарастает антивоенное движение. Возвращающихся из Вьетнама солдат демонстранты называют не иначе как «детоубийцами». Общество не хочет этой войны, потому что считает: Америка там расстреливает и бомбит те самые идеалы, которые провозглашает и ради защиты которых вроде бы и ринулась во Вьетнам. Что делаешь в этой обстановке ты — едешь во Вьетнам?

— Солдат не должен выбирать. Когда солдат размышляет, выполнять или не выполнять приказ, начинаются проблемы, начинается разруха в армии. Ответ мой таков: я был бы во Вьетнаме. — Он говорит убежденно. Чувствуется, не раз обмозговывал этот вопрос. Слова брызгами летят сквозь сжатые зубы, Карел точно сплевывает их.

Солнце стоит в зените, не двигается. Словно его к небу приколотили. Жарит солдатские мозги. Тушит их в раскаленных касках-скороварках. Солдаты п~~о~~том поливают сухую землю. Их выдупленные глаза полыхают немым бешенством. Асфальт прогреет до белого каления, как позабытая на огне сковорода. Ступни жжет адски — даже сквозь подошвы.

Над горизонтом появляется эскадрилья облаков-безе. Она замирает в нерешительности. Потом долго кружит на одном месте, обходит минометчиков стороной и безмолвно, боясь выдать себя, на цыпочках семенит вдоль опушки леса. Там — намек на прохладу. Пробиваясь сквозь кроны, солнце обессиливает, из последней мочи бросает на землю дряблую тень вроде маскировочной сетки.

Просторная поляна. Человек тридцать лежат на спинах, разбросав в стороны руки. Это «раненные». Другие сидят на корточках или стоят на коленях: оказывают первую медицинскую помощь «в боевых условиях». Сержант-инструктор Моусли демонстрирует свое врачебное искусство, приобретенное на полях сражений еще в годы вьетнамской войны.

— Каждый из вас, — кричит он, и ветер срывает искрящиеся капли пота с его пухлогобого негритянского рта, — обязан уметь помочь попавшему в беду другу. Если у кого-то эта простая истина не вызывает энтузиазма и он не желает овладеть элементарными навыками первой помощи, я без промедления дам такому человеку рекомендацию и он устроится работать в «Макдональде».[19] Армии он не нужен. Я, кажется, сказал «НЕ НУЖЕН»! Я прав, солдаты?

— Так точно! Не нужен! У-а! У-а-а-а! — отвечают львиным ревом «раненые».

— Хорошо! Но у меня, видно, что-то случилось со слухом. Я видел, вы открывали рты, но ничего не слышал! Ничего!

— Не ну-у-у-уже-е-ен! У-у-а-а-а-а!! — дерут глотки солдаты.

Над головой дрожат листья. Словно парусники в шестибальный шторм, раскачиваются облака.

Если бы злость в солдатских глазах можно было измерять, как температуру, ртуть взрывалась бы в градусниках. Сержант доводит учебный взвод до состояния кипения и лишь тогда начинает свой рассказ о приемах, методах и принципах первой медицинской помощи, перемежая его компактными, но драматическими историями из своей вьетнамской эпопеи.

— «Чарли»^[20] были лучше нас готовы к войне. Для них жара и джунгли, как для нас, — он щелкает смуглыми тонкими пальцами, словно подзывая нужное сравнение, — комфортабельный «форд» с кондиционерами. Перегрев и солнечные удары — вот что в первую очередь «чарли» обратили против нас. Если с кем-то это случилось, тащите срочно парня в тень и старайтесь сбить температуру, вливайте ему в рот воду — флягу за флягой. Противник берет себе в союзники жару, вы — воду. Он — солнечные удары, вы — тень и прохладу. Но никогда не пейте из непроверенных водоемов. Глоток оттуда может оказаться последним глотком в вашей жизни. Вместо живительной влаги вы получите что?

— Смерть!

— Что?

— См-е-е-е-ерть!!!

— Смерть кому?

— Смерть врагу-у-у-у!!!

— Хорошо. — Сержант позволяет себе слабую улыбку. — А теперь всем выпить по пять глотков из фляги! По пять о-чень больших глотков!

Солдаты выполняют приказ.

Моусли перечисляет пять способов транспортировки тех, кто ранен, — быстрых и безопасных, позволяющих избежать дальнейших повреждений и осложнений. Говорит о двух основных типах перелома кости. О том, как накладывать фиксаторы и чем их закреплять.

— Ожоги. Во время боевых действий они преследуют солдата, как пули. Ожог может привести к заражению крови, попаданию инфекции внутрь организма, к шоку. — Сержант умело, словно фокусник-иллюзионист, орудует куском зеленой материи, которую здешний солдат использует вместо бинтов и резиновых жгутов, останавливающих кровотечение.

Инструктаж длится всю вторую половину дня. Приблизительно через неделю — экзамен по владению навыками первой экстренной медицинской помощи в боевых условиях. Он проводится раз в год во всех без исключения учебных и регулярных частях и подразделениях армии США. Солдат или офицер, не сдавший его, отправляется на переэкзаменовку. В случае повторной неудачи военнослужащий увольняется из рядов

Пробежка с ветераном

Утром следующего дня настроение было под стать погоде. Часов с трех ночи зарядил мелкий, назойливый дождик. Быстрыми пальчиками он барабанил по крыше казармы; выйдешь на улицу, он непременно залезет за шиворот; стоило с надеждой глянуть на небо, он принимался иголочками колоть лицо.

На душе было слякотно, я бы даже сказал — погано. И как это часто бывает при подобном расположении духа, все вещи и события, точно прохудившиеся воздушные шарики на следующий день после праздника, с катастрофической быстротой теряли смысл, казались пародией на самих себя. База Форт-Беннинг, как и вообще все армии без войны, в мирных условиях вдруг представилась забавой для седовласых генералов, игрой взрослых в солдатики. Не оловянные, а живые. Заветная мечта детства сбылась: игрушечные танки начали лязгать гусеницами, вертолетики — летать, пушки — стрелять.

Я поднялся еще перед побудкой, часа в четыре, и направился в здание, где расположился кабинет подполковника Фриzzo. Он пригласил меня днем раньше на утреннюю пробежку — восемь миль. Я опаздывал и загодя начал готовить десяток-другой оправданий: дождь, знаете ли, вчера измучился с минометами — голову от подушки утром отодрать не мог и т. д. Опаздывал и думал: этот безумный бег посреди ночи, в дождь, когда все нормальные люди спят и сны приятные видят... Кой черт!

Но не тут-то было.

— Помчались? — Подполковник Фриzzo улыбнулся и глянул на хронометр. — Ну, вперед.

Когда мы выбежали на основную магистраль, машин там не было, но вдоль разграничительных линий и обочин трусили десятки людей в спортивной одежде и кроссовках. Обилие седых голов, прыгавших впереди, точно пинг-понговые шарики, говорило о том, что и старшие офицеры не дают себе поблажек даже в дождь. Своими сухопарными спортивными фигурами они резали густой туман. Со всех сторон доносилось ритмичное дыхание, напоминавшее работу поршней и клапанов в умело отлаженном, без надрыва работающем двигателе.

Уже к концу второй мили разогревшаяся кровь лучше всякого сержанта разбудила все еще дремавший мозг и, хотя «снаружи» все еще лил дождь, «внутри» меня стрелка барометра указала бы на отметку «ясная солнечная погода, без осадков».

Контрастный душ подействовал сильнее допинга. Волосы на голове шевелились от возбуждения. Хотелось покорять иные миры и галактики. Или гаркнуть что-нибудь на весь Беннинг по-русски. Но непременно — такое, что они поняли бы моментально. И без перевода.

— Эта карточка сделана на Гавайях — Фриzzo кивнул на фотографию в своем кабинете, когда мы зашли к нему после «марафона». — Там находятся штаб и

командование наших войск тихоокеанской зоны. Я там служил в штабе, когда туда прибыл новый главнокомандующий — трехзвездный генерал Бегнел.

— Послушайте, подполковник, а сколько у вас всего генералов с тремя звездами на погонах?

— С тремя, — ответил он по памяти, — 128, с четырьмя, кажется, — 36, с двумя 363 и с одной звездой — 530. Но это данные на март 1987 года. Сегодня генералов в нашей армии еще меньше. Мы что, — улыбнулся он, — без них своего дела не знаем? Шутка. Попрошу почтенных судей учесть, что это была шутка.

— Знаете, солдаты в разговорах со мной за редким исключением очень откровенны. Многое им в армии нравится, но многое нет. Иной раз так раскритикуют начальство — обычно сержантов — за чрезмерную строгость, что просто-напросто чувствуешь себя провокатором. Но я ни одного раза не слышал от них истории или какого-нибудь фактика, который можно было бы трактовать как нарушение уставных отношений в армии. Этого явления у вас, получается, нет?

Подполковник размял пальцами шею, помассировал затылок:

— Когда-то было. Но сейчас мы от него избавились. И я считаю это одной из наших самых больших побед. *Самых* больших, — повторил он, сделав ударение.

— Что же сыграло решающую роль? Что помогло вам?

— Был принят целый комплекс мер, законов, правил, созданы учреждения в рамках армии, следящие за их соблюдением. В любой части есть отдел генеральной инспекции. Он возглавляется офицером, назначаемым из Вашингтона генеральным инспектором. Иногда в отделах сотрудничают гражданские люди. Если рядовой оказался свидетелем противоправного поведения кого бы то ни было из военнослужащих (от солдата до генерала) или нарушения старослужащими, сержантами или офицерами прав того или иного поступившего на службу, он обязан сообщить в отдел. Такая система информирования не только допускается, но всячески приветствуется. Речь идет не о стимулировании системы доносов, а о поддержании порядка в частях, о соблюдении устава. Если в отдел поступило сообщение о каком-то инциденте, инспектор займется самостоятельным расследованием и доложит свое мнение командиру части или кому сочтет нужным, выскажет рекомендации. Параллельно солдат имеет право сообщить о нарушении уставных правил командиру своего подразделения, скажем, роты. Если он не удовлетворен принятыми мерами, рядовой может доложить о случившемся выше — командиру батальона. Таким образом, он имеет право встретиться и с командиром дивизии, записавшись предварительно на прием. Командир обязан принять солдата.

— А если солдат дойдет до генерала с той лишь целью, чтобы сообщить о пропаже мочалки и своих на сей счет подозрениях?

— Такая возможность существует, но мы стремимся решать «мочалочные вопросы» на уровне чуть пониже. — Подполковник бросил в рот горсть оранжевых витаминов и предложил мне: — Хотите?

Я запил таблетки плотком ледяной газировки, взрывающейся в горле миллионами пузырьков.

— Спасибо. Это единственные преграды на пути разрастания неуставных отношений?

— Нет. Честно говоря, я полагаю, — Фриzzo включил кондиционер и закрыл форточку, — что главный преградой является воспитание в семье и армии, уважение к правам другого человека, к человеческому достоинству. Но если говорить чуть более конкретно, то могу вам перечислить и другие принятые в армии меры. Как насчет кофе?

Он дал мне пластиковый стакан горячего кофе и высыпал туда пакетик сухого молока.

— Обожаю, — Фриzzo чуть зажмурил глаза, — запивать его ледяной водой. Это как контрастный душ, только «внутри»... У нас категорически запрещено употреблять нецензурные слова, проклинать юго- или что-либо. За нарушение этого правила на сержантов, офицеров или солдат накладывают серьезные денежные штрафы...

Фриzzo на пару минут вышел.

Я вспомнил несколько напумевших в американской армии случаев, связанных с употреблением нецензурных выражений. Сержант, в порыве гнева крикнувший рядовому, что из него солдат, «как из дерьма — снаряд», был оштрафован на 200 долларов. В 1036-м взводе морских пехотинцев сержант нажил себе целую кучу неприятностей и нагоняев от начальства за то, что назвал одного паренька «скользким типом», другого — «клоуном», третьего — «маменькиным сыночком» и «разгильдяем». Сержант, пригрозивший рядовому автоматической винтовкой, был оштрафован на 500 долларов. Инструктору, выведенному из себя медлительностью морского пехотинца, было отказано в продвижении по службе за то, что он однажды, сорвавшись, выпалил: «Да вытащи ты свою башку из задницы!» Более того, он был снят с должности инструктора. Здорово нагорело сержантам, позволившим себе «дотронуться пальцем до лица» поступившего на службу, «толкнуть локтем» рядового, «прицелить палец» морского пехотинца крышкой люка. Рассматривалось дело сержанта-инструктора, который «нанес моральный ущерб» морскому пехотинцу, подозревавшемуся в употреблении наркотиков, тем, что спросил подчиненного: «Ну что, все наркоманишь втихаря?!» По ходу расследования выяснилось, что пехотинец действительно употреблял наркотики, однако это не спасло сержанта-инструктора от наказания.

Когда подполковник вернулся, я напомнил ему об этих эпизодах.

— Важно подробно информировать только что поступивших на службу ребят, — Фриzzo скомкал пластмассовый стаканчик из-под кофе и, прицелившись, кинул его через всю комнату в мусорное ведро, — о том, какие приказы они выполнять обязаны, а какие — нет. Мы этим занимаемся, и есть мнение, что подобная профилактика помогает. Очень строго мы наказываем за любые проявления расизма и национальной нетерпимости. В годы Вьетнама предрассудки на этой почве сильно ослабляли нашу боеспособность. Статистика свидетельствует, что число таких инцидентов в армии упало за последнее время до минимальной отметки. Погоди минуту — телефон...

Он взял трубку и, оттолкнувшись ногами от стола, отъехал на кресле к окну.

...Нет, его последняя фраза не голые слова. В сегодняшней армии США 27 процентов военнослужащих — представители национальных меньшинств. Шесть с половиной процентов американского офицерского корпуса составляют представители чернокожего населения страны. Около 30 процентов сержантского состава вооруженных сил —

черные. Тридцать девять представителей нацменьшинств Америки имеют звания генералов и адмиралов. Статистика эта не секретная. И она постоянно используется Пентагоном в пропагандистских целях. Есть у нее, правда, и обратная сторона: в случае войны национальные меньшинства, и особенно черное население Америки, в пропорциональном отношении к общей численности населения понесут значительно большие потери, нежели белые.

Фриzzo бросил трубку на рычаг: она точняком вошла в паз.

— Жена! — улыбнулся он. — Спрашивает, что я желаю сегодня на ужин.

— Что же?

— Я ей сказал: если ты мне дашь кусочек, ну хоть самый маленький, счастья, я буду доволен.

— А она?

— Пообещала... — Он вновь посерьезнел. — Мы воспитываем армию как монолитный организм. Вы видели: полковники едят за одним столом с солдатами. Форма тех и других одинакового качества. Армия — это большая спортивная команда. Мы много труда вложили в нее. Сейчас собираем первые плоды. Наш сегодняшний солдат «стоит» трех солдат конца шестидесятых годов.

Фриzzo на мгновение отвлекся: вошел помощник.

Сравнивая сегодняшних и вчерашних солдат американской армии, Фриzzo не сообщил ничего нового. Это общепринятая оценка. Один из представителей беннинговского командования сказал мне, что, по мнению Пентагона, в случае возникновения военного конфликта с СССР численное превосходство советской армии будет таково, что в среднем на одного американского солдата будет приходиться три советских. Это соотношение, заметил он, определяет интенсивность и качество боевой, а также физической подготовки солдат армии Соединенных Штатов.

Помощник вышел, закрыв за собою дверь, и Фриzzo спросил:

— Так о чем мы?

— О том, что армия — это большая спортивная команда.

— Да, верно. Сейчас мы получаем не только физически более крепких, выносливых ребят, но и во много раз более сообразительных. А это важно: уровень техники растет. Мы не ослабляем контроля, смотрим за каждым. Ежемесячно подвергаем выборочной наркологической проверке двадцать процентов личного состава каждого подразделения. Скажем, на этот раз я объявляю, что тесту будут подвергнуты все солдаты, чьи фамилии начинаются с буквы «П». Таким образом удастся держать личный состав в постоянном напряжении, не давая людям расслабляться. А весь плак, который к нам неизбежно проскакивает, позже отсеиваем, избавляемся от него. Теперь мы можем позволить себе такую роскошь.

— Американского солдата и офицера, заметил я, — отличает сегодня отменная физподготовка. Ни в Пентагоне, ни в Форт-Беннинге я не встретил ни одного военного — я имею в виду и высшее командование — с лишним весом. Даже ваш министр — атлет. Я знаю о нашумевших случаях увольнения крупных военачальников лишь за их

несоответствие установленным весовым и спортивным нормативам. На вопрос о том, не является ли это слишком уж дорогим удовольствием и растранижением кадров, в Пентагоне мне неизменно отвечали: лучше пожертвовать двумя-тремя полковниками, генералами или адмиралами, но сохранить всю армию в хорошем спортивном состоянии. А сегодня сам видел: весь Форт-Беннинг по утрам бегают от трех до восьми миль. Что случилось? Ведь такого, говорят, не было даже пятнадцать лет назад, я прав?

Он улынулся:

— У американцев это стало модным, даже престижным — быть в идеальной спортивной форме. А поскольку армия — составная часть Америки, то «спортomanия» затронула и ее. Мы подсчитали: чем лучше физподготовка солдат, тем меньше денег мы тратим на их лечение. Поступающая к нам молодежь сегодня быстрее бегают, выше прыгает, чем призывники двадцать лет назад. По этой причине мы смогли значительно «поднять планку» спортивных нормативов. Кроме того, просто-напросто последовал жесткий приказ сверху. Теперь дважды в год каждый из нас — включая высокопоставленных работников Пентагона — проходит спортивный и весовой тесты. Раньше тоже существовало такое правило, но, честно говоря, его никто не выполнял. Плевали мы. Ныне в армии США существует единая карта весовых и спортивных нормативов с одновременным учетом роста и возраста. Она жестко определяет стандарт веса и число тех или иных упражнений (приседание, качание пресса, отжим на руках), которые необходимо сделать в единицу времени. Да, и, конечно, бег на время. Он — важнейшая составная часть спортивного теста. Офицеры поняли: карьера поставлена в жесткую зависимость от их физической подготовки. В тот самый момент, когда они это осознали, спортивный лик армии начал меняться со скоростью сверхзвукового истребителя.

Фриззо достал из ящика стола кипу спортивных журналов и брошюр. Кинул мне на колени. Бросились в глаза названия: «Механика бега», «Бег всей семьей», «Бегом от инфаркта», «Искусство бега», «Бегом к счастью», «Ответы на все вопросы, которые возникают у нас во время бега», «Бег зимой», «Бег в дождливую погоду»...

— Помимо всего прочего, — Фриззо записнул всю эту литературу туда, откуда достал, — спорт нужен для того, чтобы у солдата не осталось сил даже подумать о наркотиках. У нас есть такая статистика: три года назад из ста полковников лишь трое могли пробежать пять миль. Сегодня — все сто без исключения. Это касается и полковников-резервистов.

Со спортом мы покончили, и подполковник пошел проводить меня до казармы: минут через пятьдесят нашей роте предстояло сдавать спортивный тест.

Мы шагали и чувствовали слабое детское дыхание утреннего тепла. Исходило оно не от неба, а от земли. Мы осторожно, словно боясь спугнуть, пили его легкими, будто дегустировали. Делая маленькие глотки, я чувствовал вкус дурманящих голову неведомых мне степных трав.

— Утром у вас здесь хорошо, — сказал я. — Какая-то терапия души. Травы, что ли, так действуют, не пойму. А днем тяжело. День в обним жмет жарой, духотой, криками, танками. Как вы выдерживаете — загадка.

— После Вьетнама это все мура. Вот сколько лет прошло, а толком не отойду. Случай,

истории вдруг торчком встают в памяти, как мишени на стрельбах. Но там стреляешь, и они падают, уходят, а тут что — самому себе в башку стрелять? Рано вроде еще. Половину жизни только отпугал. Рано...

— Вы участвуете в работе ветеранских организаций?

— Я не принадлежу ни к «Американскому легиону», ни к «Ветеранам иностранных войн», но сердце — принадлежит. Время малость залечило рану, сняло боль, люди нынче по-другому к той войне относятся. А в 60-е все в этой стране передрались. Окопы из Вьетнама перекинулись в Штаты. Казалось, Америка отправилась в свой последний путь. Но приблизительно после 1968-го мы поняли, что просто-напросто разрываем страну на части, и полосу решили начать постепенное сближение. Сейчас иногда кажется, пойдя мы тогда хоть на дюйм дальше в сторону от центра и согласия, Америка не выдержала бы. Нация испугалась пропасти, на краю которой оказалась. Никсон пообещал вывести войска и сдержал слово: вывод войск оказался решающим фактором стабилизации положения внутри Соединенных Штатов. При Форде единство в обществе еще больше окрепло. Рейган очень популярен среди военных. Он вернул Америке веру в себя. Экономика встала на ноги, инфляция снизилась, безработных поубавилось. При нем мы опять поверили, что дорога наша идет далеко в будущее и что дорогу эту надо охранять. А для этого надо поддерживать военных, заниматься армией. Престиж военной профессии взлетел на небывалую высоту именно при Рейгане.

По выражению лица его было видно, что он получает удовольствие от своих слов. Пружинистые ноги легко несли крепкий, сухой торс, а голова подполковника, казалось, летит в облаках, высоко над землей.

— Что вы улыбаетесь? — Он глянул на меня, вздернув брови.

— Просто рад за вас. Кстати, почему, на ваш взгляд, пресса столь негативно писала об американских солдатах во Вьетнаме? «Героических» репортажей и очерков ведь практически не было...

— Да, — Фриzzo смотрел себе под ноги, засунув руки глубоко в карманы, — не было. Я не могу понять изначальные мотивы поведения прессы в период войны во Вьетнаме. Иногда журналисты играют деструктивную роль в обществе. Какой смысл было утрировать «зверства»?!

Губы его сделались бледными, а в бороздках глубоких морщин лба заискрился на утреннем солнце пот.

— Начиная приблизительно с конца 1972 года, — продолжал Фриzzo, — американские солдаты уже почти не воевали, хотя продолжали оставаться во Вьетнаме. Дела не было. Люди скучали по родным, оставшимся в Америке, не понимали, в чем их задача и чего от них хотят. Словом, настроения в частях начали меняться. Всем хотелось домой. А дома их «поливали» в газетах и по телевидению. Возвращение было тяжким, грустным. Солдаты сделали, что от них потребовало правительство, а потом страна плюнула им в лицо. Иные антивоенные активисты заходили, на мой взгляд, слишком далеко.

И тут Фриzzo упомянул имя Джейн Фонды. Он заговорил о ней с таким клокочущим раздражением, переходящим в ненависть, какого трудно было ожидать от этого

умеющего держать себя в руках человека. Он обвинял ее в недопустимой, преступной «антивоенной пропаганде», вылившейся, на его взгляд, в предательство Америки.

— Ведь она, — Фриzzo рубил ребром правой ладони, точно топором, воздух, — поехала в Северный Вьетнам, с которым мы находились в состоянии войны, а на войне той гибли наши ребята. Она поливала грязью нас, но расточала похвалы нашему врагу!

— Я знаю, как бывает ненавистен иностранец, когда он дотрагивается руками, лезет ими в национальную травму, — сказал я. — Именно так сам я реагирую на неосторожные слова американцев, рассуждающих об Афганистане. Даже если их слова справедливы. Я не сравниваю эти две войны: Вьетнам не Афганистан, СССР не США, сравнима разве что национальная боль — вапа и наша, Вьетнама и Афганистана. Точно так же мне кажется бессмысленным сопоставлять действия американского солдата в Южном Вьетнаме и действия Фонда в Северном Вьетнаме. Вы находились в различных системах координат. Я имею в виду не географию, а, скорее, область этики и общественного сознания. И хотя вы, как и она, защищали Америку, но Фонда — американские национальные идеалы, а вы — американские интересы, точнее, то, что вы под ними привыкли понимать. К сожалению, они не всегда совпадают.

— Да, — Фриzzo плу боко, мне даже показалось с дрожью в легких, вздохнул. — В этом вся трагедия.

— Но, быть может, высший национальный интерес — в его соответствии высшему идеалу народа?

— К сожалению, — Фриzzo почесал седой висок, — в реальной жизни все не так.

— По-моему, — сказал я, — история достаточно убедительно свидетельствует: если на протяжении слишком длительного времени в жертву интересам приносятся идеалы, это оказывается гибельным для страны.

— И наоборот, — ответил подполковник.

— Да, если в качестве агнца на заклание оказываются интересы безопасности, такая ситуация может стать не менее роковой. Кстати, в умении сочетать эти два полюса, Инь-Ян, — искусство политика.

— Знаете, — Фриzzo остановился у двери в мою казарму, — я за последние лет четырнадцать — вы не поверите — ни разу вот так не говорил про Вьетнам. Да и впредь не буду. Просто ради вас сделал исключение.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал я.

— Не стоит.

Мы распрощались. Почему-то холоднее, чем встретились.

В казарме я сел на койку, расшнуровал ботинки: ноги после бега ныли, но когда я вытянул их, стало легче.

Прокрутил в памяти разговор с Фриzzo о журналистах во Вьетнаме. Как он на них злился! Выражаясь его же словами, подполковник, кажется, даже «чарли» ненавидел не так сильно, как бедных репортеров.

Я вспомнил тех из них, с кем знаком лично, — Питер Арнетт, Тед Коппел, Дейвид Кэннерли... Странно было увидеть неделю назад их фотографии на отдельном стенде в Пентагоне. Конфликт министерства обороны с прессой, разразившийся в годы войны,

похоже, все-таки помог пентагоновцам понять простую истину — нельзя к журналистам относиться как к врагам, предателям Америки, «антипатриотам». И военные, и корреспонденты старались на благо Соединенных Штатов. Просто они по-разному понимали, что есть «благо»...

Питер прославился мужеством, он оставался в Сайгоне и после падения города весной 75-го. Сотни раз перепечатывали журналы и газеты США ставшую знаменитой фразу, которую бросил Арнетту американский офицер: «Чтобы спасти эту деревню от коммунистов, мы были вынуждены ее уничтожить!» Известность Теду принесли его телерепортажи с линии огня. Дейвид прогремел своими фотоочерками, потом он работал при Белом доме личным фотокорреспондентом президента Форда.

Ежедневно информируя американцев о войне — до семидесяти процентов вечерних теленовостей были из Вьетнама, — американские журналисты нанесли серию нокаутирующих ударов по создававшемуся литературой на протяжении столетий образу героя-воина. Ведь если бросить даже беглый ретровзгляд, мы легко заметим, что литература двигалась от гомеровского к средневековорыцарскому пониманию того, что такое «героизм», «мужество» и «воинская доблесть». Никто из писателей и поэтов не ставил под сомнение ценность этих категорий. Даже Хемингуэй и Ремарк, отрицая всем своим творчеством войну как злейшее из зол, каким-то невероятным образом придали ей ореол печальной романтики.

Американец Джо Макгиннис в своей книге про Вьетнам «Герои» задался вопросом: если была война, значит, были и герои? Но пришел к убийственному для певцов «оборонного сознания» и «соловьев генеральных штабов» выводу: героев не было. Трагедия солдат состоит и в том, что человеческие поступки и качества, которые в условиях мира мы привычно измеряем категориями добра (подвиг, отвага, храбрость, сила воли, неустрашимость, доблесть), там, на несправедной войне, неизбежно наполняются противоположным смыслом.

Константин Симонов в статье «Думая о Хемингуэе» писал: «Первая мировая война была для него чужой, не его войной... Однако среди всей грязи и позора этой войны... храбрость оставалась храбростью, а трусость — трусостью, и при всей нелепости обстоятельств, в которых они проявлялись, где-то в самой первооснове они не утрачивали своей первоначальной цены...»

Но, говорят, праведный путь праведен во всем. И, видимо, наоборот.

На несправедной войне подвиг оказывается преступлением, а мужество — зверством. Но на скамье подсудимых должны сидеть не солдаты (что понимает в политике 17–18-летний пацан?!), а те «старцы», которые такую войну развязали. «Старцам» в мудрости не откажешь: своих детей и внуков они на смерть не посылают...

— Кончай дрыхнуть, — услышал я голос Вилли, — опоздаешь на построение!

Что сказал бы Суворов?

Мы выскочили из казармы. Уже было светло. Ветер выметал за горизонт последние тучи, на небе всю хозяйничало утреннее солнце, выжигая, будто огнемёт, последние остатки предрассветной мглы. Покружив над нашими головами, спешно улетала, тая на глазах, стая жирных, сизобрюхих облаков.

А внизу, на плацу, близ нашей казармы, беспричинно свирепея, нервно, тигром в клетке, ходил вдоль строя черный, как ночь, сержант. Лихо сидела на нем инструкторская шляпа с крупными полями и четырьмя симметричными впадинами на тулье. Казалось, был он зол на весь свет. Единственно, что не вязалось с его грозным обликом, так это уши. Они были сильно оттопырены и напоминали два радара ПВО. Чувствовалось, что сержант знает об этом. Уши, видно, бесили его пуще всего остального: тут не могло быть никаких сомнений.

Он продолжал быстро — вперед-назад, вперед-назад — ходить перед строем. Точно маятник. Солдаты, безмолвно вперив в него свои взоры, едва поспевали двигать глазами.

Серые хлопковые трусы и майки со здоровенными буквами спереди — АРМИ — обтягивали солдатские мышцы.

Один из парней со скоростью дятла «бился мордой об асфальт». Так армия окрестила серию быстрых отжимов, которые провинившийся выполняет в порядке наказания. Упершись руками со вздувшимися венами в землю, он орал ей, точно в ухо глухой старухи:

— И раз! И два! И три! И четыре!..

Всего — пятьдесят отжимов.

Сержант остановился, и его башмак застыл в пяти сантиметрах от взлетавшей и падавшей, точно баскетбольный мяч, бритой солдатской головы.

Вилли, внимательно наблюдавший за этой сценой, шепнул:

— Вот они, сержанты! А ты жертвуй собой, приноси себя на алтарь самозабвенной службы... Впрочем, сейчас еще — ничего, а раньше, говорят, они только и делали, что выискивали, кому бы в морду плюнуть. Тому, кто, ясное дело, чином пониже.

— Надо стараться, солдат! — крикнул сержант оторвавшимся наконец от земли, взмыленному, точно конь после долгого галопа, пареньку.

— Есть, сэр! Буду стараться, — отвечал солдат, с трудом переводя дыхание, — буду стараться, сэр... Изю всех моих сил, сэр!

Сержант опять встал лицом к строю, отдал команду — рота развернулась на девяносто граду сов и сразу же взяла в намет.

Мы бежали в сторону стадиона, где предстоял тест по физподготовке. Там нас уже поджидали подполковник Лэндурс, командир второго батальона, и майор Рой Хаукинс. Роты «Браво», «Чарли», «Дельта» и «Эю»^[21] уже строились, когда мы появились на плацу. Наша «Альфа» пришла последней. Слово взял Лэндурс, потом Хаукинс. Они напомнили нормативы, в которые необходимо уложиться.

Начался тест. Судьями назначили сержантов из другого батальона, чтобы свои, штатные инструкторы, не делали поблажек. Набор упражнений, составлявших экзамен, обычен: отжимы, приседания, качание прессы, бег.

Рядом со мной в строю оказались Сэнди Нельсон, а чуть дальше, слева от нее, Дениз

Харли.

— Родители, сказала Сэнди, — не были в восторге от того, когда я им однажды утром, за завтраком, заявила: «Мам-пап, я иду в армию!» Мама воспитана в «традиционном» стиле. Все это — прыжки с парашютом, стрельбы — не для нее. Папе тоже затея моя не понравилась. Но не станет же он запрещать: мне восемнадцать уже стукнуло! Что буду делать после армии? Думаю окончить колледж, а потом опять вернуться — хочу стать военным юристом.

— ...А я военным врачом. У меня семья вся сплошь военная. Даже брат. Он в Уэст-Пойнте^[22] учится, — сообщила Дениз.

— Сэнди, — спросил я, а ты не боишься, что армия с ее мужскими физическими нагрузками испортит твою фигуру?

— Нисколько, — ответила она, показав мне кончик мизинца. — Наоборот. Подсчитано: женщины приходят в армию почти всегда с лишним весом. Тут они его волей-неволей сбрасывают.

— А для женщин шьют особую форму?

— Вовсе нет, — Сэнди явно поговорливей своей подружки, — у нас все, как у мужчин. Кроме, быть может, нижнего белья. Проблема в другом: трудно подобрать подходящую обувь.

— Вам разрешается пользоваться косметикой? — Я повернулся лицом к Дениз.

— Да, — кивнула она. — Но если предстоят серьезные физические нагрузки, нам советуют лишь губы чуть-чуть накрасить да глаза слегка подвести. Если же ничего такого не ожидается, то можно как обычно.

— Еще, — вспомнила Сэнди, — мы не пользуемся краской и лаком для ногтей. По той причине, что процедура эта занимает слишком много времени. Не рекомендуют нам и духи. Говорят, духи привлекают блох.

— Блох привлекают, а ребят, значит, оставляют равнодушными... Нет, Сэнди, думаю, тут дело в солдатах, а не в блохах, а?

Девушки засмеялись и едва заметно покраснели. Почувствовав, что краснеют, они засмутились еще больше.

Тест завершился часа через три. Все это время над нашими головами стрекозами носились вертолеты. Вконец измочаленные, роты вернулись в казармы. Вернулись, чтобы после обеда опять покинуть их на вторую половину дня были запланированы учебные стрельбы.

Я шел с ротой в казарму и вдруг поймал себя на том, что повторяю в такт шагам: «Тяжело в ученье — легко в бою, тяжело в ученье — легко в бою». Интересно, что бы сказал Суворов, посмотрев на такие нагрузочки?

В кого я стреляю?

...Жара стоит умопомрачительная. В ушах от нее гул и треск такой, что кажется, будто

рядом надрывается испорченный транзистор. Солнце печет сверху, песок обжаривает снизу. Мы лежим, целимся в мишени. Они дрожат от раскаленного воздуха. Иногда мишень впереди кажется миражем. Но я все равно нажимаю на спусковой крючок. Доля секунды — и рядом с целью вздымается маленький фонтанчик охристой пыли: промазал. Вокруг меня валяются пустые гильзы. Воздух насыщен пороховой гарью. После автоматической стрельбы в горле начинает першить. Сквозь голову вяло тянется нить мыслей. Мишень — противник. Противник для этих ребят, что лежат рядом, — по крайней мере им так втолковывают — советский солдат. В кого стреляю я? В себя?

Скука становится частью жары. Спасает от нее Вилли. Меня магазин, он успевает рассказать очередной анекдот:

— Двое солдат американской армии сидят на берегу реки, ловят рыбу. У одного в руках банка с червями. Он глядит в нее, потом спрашивает: «Ладно, с призывом у нас покончено. Кто из вас, ребята, добровольцы?»

Вилли умолкает на пять секунд в ожидании смеха. Тщетно. Он бурчит:

— Знаешь, в такую жару ничего смешнее и не придумаешь!

Сержант стоит рядом. Видно, заполняет ротную суточную ведомость. Вечером он отправит ее в штаб батальона. К сержанту подходит капрал. Что-то говорит. Доносятся лишь последние, ветром сорванные с губ слова:

— Молодец, сержант, скрутил ты своих в бараний рог. Так и держи...

Вилли комментирует:

— Лучше иметь дочь-проститутку, чем сына-капрала.

— Сколько, — спрашиваю я, чтобы поддержать разговор, который вот-вот иссякнет, как ручеек в пустыне, — получает капрал?

— Одно могу сказать определенно: я бы не отказался от той кучи, которую он загребает каждый месяц.

Вилли лежит справа от меня. На левом фланге — парень, который за все время умудрился не проронить ни слова. Из-под края его каски выглядывает матерчатая лента, обмотанная вокруг головы. Это — от пота. На ней надпись, сделанная химическим карандашом: «Благослови на убийство!». Так, потехи ради.

Капрал подходит ко мне, садится на корточки. Что-то говорит, но я не слышу, прошу повторить. Перед глазами все плывет. Впечатление такое, будто я вижу сон. Капрал придвигается ближе.

«Привет, я Дейвид Эллер», — говорит, а я: «Очень приятно», — говорю, а он: «Сколько раз попали?» — спрашивает, а я: «Десять из пятнадцати», — говорю, а он: «Хорошо!»

Эллер снимает каску: ерошит пальцами мокрые волосы.

— Жара, — говорит.

— Да, — отвечаю. — Вы давно в Беннинге?

— Порядочно.

— И всегда тут у вас так?

— Постоянно. Но я люблю пустыни, горячие пески, жару. И — чтобы ни одного дерева.

— Странная любовь, — говорю, — извращенная. Любить пустыню — это все равно что ничего не любить.

— Я родился и вырос в Нью-Мексико. А там одни пустыни.

— Угораздило же вас...

Он смеется. В такую жару, когда нет сил и пошевелиться, его смех кажется маленьким подвигом. А мне мой голос чужим.

— До армии я работал в фирме агентов безопасности, — почему-то вспоминает он. — Рок-звезд охранял, поддерживал порядок на их концертах. А однажды снимался в фильме.

— Потрясающе, говорю.

— Ага, в фильме «Красный рассвет».[23] Выпейте воды из фляги. По-моему, вы перегрелись.

Я следую его совету. Выпиваю половину фляги, остатки вытряхиваю на голову. Минуты через две становится легче. Круги перед глазами исчезают. «Транзистор» умолкает.

— Не забывайте, — говорит он, — пить воду. Иначе можно копыта отбросить.

Отстреляв свое, я с чистой совестью перебираюсь в тень. Капрал идет вслед. Спрашиваю:

— Расскажите, как вы попали в эту картину и кого в ней играли?

— Я, — начинает он, — учился тогда в Нью-Мексико. Представители киностудии сказали, что им нужны ребята солдатского возраста, умеющие говорить хоть чуть-чуть по-русски. Будем, объясняли они, снимать кино о том, как русские захватывают ваш штат. Я согласился: киношники пообещали платить по четыреста долларов в день. Студенту такого никогда не заработать — хоть тресни!

— Ты верил, что сюжет реалистичен?

— Не-е-ет, — улыбается он, — никто из актеров не верил. Но жители городка, где проходили съемки, верили.

— Почему?

— Периферия. Они своего носа из Нью-Мексико за всю жизнь ни разу не высунули. Они не такие, как жители крупных городов.

— А какие они, жители крупных городов?

— Жители крупных городов? — Он внимательно смотрит на меня. — Я, например, весь мир объездил: отец был военным. Я и Италию повидал, и Западную Германию, и Турцию... Легче перечислить, где я не бывал. Я знаю, что не так страшен черт, как его малюют. Русских я видел на границе в Западном Берлине: нормальные вы ребята...

— Спасибо.

— Нет, я — честно. А в Нью-Мексико, например, соседи моих родителей до сих пор не верят, что астронавты летали на Луну. Они убеждены, что телевидение и газеты все наврали. Они думают, их здорово надули со всей этой лунной эпопеей. А в цирковую борьбу они верят. Но я не об этом. Словом, снялся я. А когда по телевидению объявили, что вечером будут показывать «Красный рассвет», всю семью и друзей дома собрал.

— И что же?

— Полная катастрофа: всего полсекунды на экране был. Но деньги киношники мне заплатили хорошие: я не жалею, что снялся...

«Альфа» начинает построение. Я прощаюсь с капралом, желаю ему успехов на кинофронте.

Пристраюсь рядом с Вилли, вместе со всеми начинаю печатать шаг. Сержант запеваёт, а рота тут же подхватывает:

Привет, Джозефина!

Как твои дела?

Вспоминаешь ли ты обо мне так,

Как я вспоминаю тебя?

Э-эй!

У-а!

Странная страна Америка

В столовой штаба Форт-Беннинга, где кроме американских обычно питаются офицеры союзнических армий, было многолюдно. Я с удовольствием вдыхал охлажденный кондиционерами воздух. Казалось, они вырабатывали не столько прохладу, сколько блаженство.

— Странная страна — Америка, — сказал офицер в бежевой форме летчика, — очень странная.

Все, кто стоял рядом с ним в очереди за вторыми блюдами, опянулись. Офицер поставил на свой поднос тарелку с мясным рагу и спаржей.

— Очень странная, — повторил он и смахнул белоснежным носовым платком каплю сметаны с указательного пальца. — Разве нет?

Офицер, топтавшийся сразу за ним и одетый точно в такую же летную форму, молча улыбнулся в знак согласия. Верхняя губа его пряталась под жесткими черными усами. Они были так аккуратно подстрижены, что любой его собеседник неизбежно задумывался над тем, каких трудов стоила такая аккуратность.

— Судите сами, — сказал первый офицер, обращаясь к тарелке со спаржей и мясом, — летом в их домах замерзнуть можно от обилия кондиционеров, а зимой потом обливаешься из-за батарей. Ну разве это не странно?

— По-моему, — пожал плечами Сорс, — это обычно. В этом нет ничего противоестественного. А вы откуда?

— Я из Перу.

— Так и надо было говорить с самого начала, — усмехнулся Сорс и тоже взял порцию спаржи. Где-то на самом дне его подсознания, видно, пряталось чувство удовлетворения от собственной «великодержавности».

Два подполковника из Саудовской Аравии негромко, но подбострастно засмеялись.

Похоже, рейнджеровская форма Сорса и фотокамера на его груди произвели на саудовцев впечатление.

Перуанец продолжал возводить на подносе башню из тарелок с едой.

В самом конце стойки урчал чан с кофе. На нем периодически загоралась красная надпись: «Осторожно! Я кипячусь — не опшарьтесь!». Налив в стакан дымящегося кофе, я сел за столик, уже занятый Сорсом. Он распечатывал банан.

— Если научная мысль, — сказал Сорс, — пойдет и дальше развиваться теми же темпами, что сегодня, через пару лет мы будем покупать бананы не в собственной кожуре, а в какой-нибудь искусственной обертке. Перуанец, между прочим, прав: американцы живут в совершенно противоестественном мире. Все стало синтетическим. Даже дети: их теперь тоже синтезируют в пробирках.

— Можно? — спросил молоденький майор и, не дожидаясь ответа, сел за наш столик. Он сразу же принялся есть. Его гибкие руки, вооруженные вилок и ножом, взлетали, точно у дирижера.

— Конечно, — повернулся к нему Сорс, — садитесь. Отчего же нет. Тем более что вы уже сели.

— Я не хотел помешать вам, — извинился майор. — Я спешу на лекцию.

— У меня нет оснований вам не верить, — ответил Сорс. — Вы откуда?

— Я — с Филиппин, — сказал майор.

— Если вы уж сели за наш столик, постарайтесь быть помногословней, рассказывайте все по порядку — чем занимаетесь, что вас интересует, когда уезжаете к себе обратно? В Америке так принято. — Сорс был явно в ударе. Он слишком долго работал фотокамерой. Теперь ему хотелось поработать языком.

— Позвольте и мне поинтересоваться — откуда вы? — Филиппинец допил из пластикового стаканчика остатки куриного бульона.

— Я русский, — Сорс ткнул в себя большим пальцем, — а мой друг — американец. Разве вы сами не видите?

Майор улыбнулся.

— Все наоборот, — сказал я, — он американец. Такая у него профессия. А по национальности Сорс — шутник.

Майор опять улыбнулся.

— Кроме того, что он американец, — сказал я, — господин Сорс был на Филиппинах с повстанческими отрядами. А я — из Москвы. Агентурю помаленьку. Только об этом — никому!

— Вы были с повстанцами? Он не шутит? — Майор, явно оживившись, с любопытством глянул на Сорса.

— Он, — Сорс кивнул в мою сторону, — как и все русские, никогда не шутит. Они там у себя все отвратительно серьезны. Говорят только про «перестройку».

— Так когда вы были у партизан? — Майор прекратил жевать.

— Четыре года назад. — Сорс вытер губы бумажной салфеткой. — Делал фоторепортаж о войне на Филиппинах для «Лайфа». Тогда в Америке никто не знал о тамошней войне. Почему вы так упорно скрываете свое имя?

— Ничуть: майор Бокобо. Как вам удалось попасть в отряд ННА? И где вы были?

— Майор, — улыбнулся Сорс, — вы военный человек. Неужели не понимаете, что я этого не скажу? Среди партизан у меня много близких друзей. И я не хочу, чтобы вы, связавшись сегодня вечером по телефону со штабом в Маниле, вызвали на их головы авиацию.

— Вы, — майор смотрел прямо в глаза Сорсу, — явно переоцениваете наши возможности: авиации нам катастрофически не хватает.

— У вас, — улыбнулся Сорс, — есть возможность получить целую уйму авиационной техники, стоит только продлить договор с Вашингтоном о Субик-Бей и Кларк-Филд.^[24]

Майор Бокобо кусочком хлеба вытер остатки соуса на тарелке и отправил его в рот. Он явно не мог понять, на чьей стороне Сорс — ННА или Вашингтона?

— Каков, на ваш взгляд, — не унимался Бокобо, — моральный дух партизан? Если, конечно, вы меня не разыгрываете...

— Очень крепкий, — ответил Сорс. — Они настроены на победу. В деревнях люди склонны поддерживать партизан, а не вас. Регулярная армия причинила много зла народу: солдаты насильовали женщин, грабили, убивали...

— Сейчас, — сказал Бокобо, — уже невозможно определить, кто был инициатором насилия — ННА или регулярная армия. Как невозможно определить, что появилось на свет первым — яйцо или курица.

— Вам не кажется странным, — спросил Сорс, — что вы, офицеры, получающие образование в Форт-Беннинге и лучших военных академиях США, вы, имеющие в своем распоряжении технику, которая и не снилась партизанам, — у них на вооружении лишь старые АК-47 китайского производства, — вы не можете их одолеть?!

— За партизанами, — убежденно сказал Бокобо, — стоят Москва и Пекин. Повстанцы, по нашим сведениям, обучаются в Академии Фрунзе. Разве нет? — Он перевел глаза на меня, хотя явно видел во мне американского офицера из какого-то неизвестного ему подразделения Пентагона или отдела ФБР, занимающегося армией.

— Мне часто приходилось бывать в этой академии, я знаком с ее начальником, — сказал я, — но ни разу не довелось увидеть там ни одного филиппинца.

— Главная наша проблема, — майор, посчитав мои слова запоздалой и потому неуместной шуткой, ударил пальцем по столу, — в том, что силы, борющиеся против ННА, раздроблены. Нам не удалось объединиться в один фронт так, как это сделали левые. Необходимо собрать в монолитный кулак усилия частного сектора, правительства и армии.

— Майор, — спросил я, — что вы изучаете в Форт-Беннинге?

— Советскую военную тактику, советскую тактику ведения партизанской войны, — он стал загибать пальцы на левой руке, — английский язык и тактику борьбы с партизанскими движениями.

— А зачем вам советская партизанская тактика? — не понял я.

— Ее, — он пожал плечами, — изучают наши партизаны. И ее используют.

— Майор, — опять поинтересовался я, — а есть ли возможность для национального

примирения у вас в стране?

— Нет, — категорично ответил Божобо, — оба лагеря зашли чрезмерно далеко. Уже пролито слишком много крови. Она одна не позволит нам примириться. Будем воевать дальше. Пролитая кровь, к сожалению, скрепляет сильнее цемента, она может связать руки даже последующим поколениям. Мы не имеем права обесмысливать пролитую кровь наших отцов.

«Да, — подумал я, — эти слова про „недопустимость обесмысливания пролитой крови“ — излюбленный и конечный довод неосталинистов, когда они рассуждают о недопустимости критики Сталина. Или когда они защищают коллективизацию. Или — ввод войск в Афганистан».

— У вас есть уверенность в победе? — спросил Сорс.

— Партизаны, — ответил майор, — не смогут нас победить. Даже если они возьмут власть в свои руки, окончательной победы им не видать. Это парадокс, но это — правда.

— Почему же? — спросил я.

— В таком случае, — Божобо развел руками, — мы просто поменяемся с ними местами. Они обоснуются в Маниле, а мы уйдем в горы.

— Вы слишком легко произносите слово «горы», майор, — сказал Сорс, — у меня возникает подозрение, вы не очень-то представляете, что оно означает. Слово «горы» можно сравнить лишь со словом «ад». Я вас не хочу пугать, но кондиционеров в горах нет. Летом там иногда кажется, что легче вынести пытку, чем жару, а зимой у тебя в штанах все покрывается мхом и плесневеет от всепроникающей сырости. Тропические болезни, паразиты в брюхе, кровавый понос — словом, весь набор удовольствий. Так что, майор, нет у вас выхода: продлевайте договор о базах, получайте американские самолеты, вертолеты, а также кондиционеры «Дженерал электрик» и оставайтесь в Маниле. Горы, майор, не Форт-Беннинг. Врагу не пожелал бы оказаться на вашем месте. Желаю удачи!

Когда мы выходили из столовой, я шепнул Сорсу:

— Уэйн, только что ты подорвал моральный дух филиппинской армии. Не удивлюсь, если через пару лет узнаю, что он рванул к партизанам.

В ответ Сорс щелкнул фотокамерой, зафиксировав еще одно мгновение из истории человечества.

— Пока, Уэйн! — сказал я.

— Пока! — улыбнулся он. — Увидимся через пару часов на занятиях по изучению мин.

Он опять улыбнулся и натянул кепку почти на самые глаза, пряча их от солнца. Я поправил ремень фотоаппарата на его плече и пошел на второй этаж, где расположилась приемная командира Форт-Беннинга генерал-майора Кеннета Льюера. Присев на небольшой диванчик в приемной, я устроился поудобней и стал ожидать разрешения войти в кабинет генерала, пообещавшего мне несколько дней назад тридцать минут для интервью.

Командир форта

Коротко подстриженный помощник генерала предложил горячего кофе.

— Спасибо, — отказался я.

— Если не хотите кофе, — встал из-за письменного стола помощник, — угощу-ка я вас биографией шефа. Вот, держите.

И он протянул мне лист бумаги с прикрепленной к верхнему левому углу визитной карточкой генерала.

Ждать мне оставалось еще минут пятнадцать, и я, решив не тратить времени впустую, принялся изучать жизнь Кеннета Льюера.

«Двухзвездный генерал родился 13 августа 1934 года в Миннесоте»... Прочитав это предложение, я представил себе жаркий летний полдень, сияющую от счастья, чуть усталую молодую мать, ее мужа со здоровенным букетом цветов, чуть поодаль — целую стаю бабушек, дедушек, тетюшек, дядюшек, братьев и сестер... Какую судьбу прочили новорожденному все эти люди, собравшиеся 13 августа 1934 года у выхода из роддома?

«Кеннет Льюер закончил в 1956 году университет в Айове и училище офицеров резерва»... Воображение мигом нарисовало портрет двадцатидвухлетнего бравого второго лейтенанта. Подбородок выдвинут вперед. Брови сведены у переносья.

«Военное образование получил на Основных и Высших курсах офицеров-пехотинцев, в Штабном колледже и в Индустриальном колледже Вооруженных Сил»...

Перед глазами стоял тот же молодой офицер. Лишь на лбу появилось несколько едва заметных горизонтальных морщинок.

«Он командовал 193-й пехотной бригадой, был начальником штаба и заместителем командира 4-й механизированной дивизии в Форт-Карсоне, штат Колорадо»...

— Господин Льюер готов принять вас, — помощник генерала аккуратно тронул меня за плечо.

Командир форта оказался человеком выше среднего роста, очень коротко подстриженным, с отменной выправкой.

— Есть хотите? — генерал улыбнулся и протянул мне крепкую руку.

— Спасибо, только что это сделал в вашей штабной столовой.

— И правильно. А я вот все никак не найду свободных десяти минут. Не возражаете, если во время разговора я пропochу пару бутербродов? — он достал из лежавшего на письменном столе атташе-кейса маленький термос и сверток с сэндвичами.

— Как вам понравилась еда в столовой Форт-Беннинга? Вкусно?

— Есть можно.

Льюер почему-то рассмеялся.

— Честно говоря, — сказал я, мое внимание привлекла не столько еда, сколько обилие иностранных офицеров. Кого я только там не видел. Вы что, весь мир обучаете военному ремеслу?

Льюер опять рассмеялся. Потом сказал:

— Да, много у нас тут стран представлено. Слушатели занимают по 15–18 человек в группе. Стараемся, чтобы в группу входило 3–5 иностранцев. Американские и иностранные офицеры не только учатся здесь, но и сами учат. Таким образом мы обеспечиваем обмен воинским опытом во время занятий.

— Давно вы ввели такую систему?

— В начале шестидесятых годов учебные группы состояли из 160–180 человек. Из них двадцать человек — иностранцы. Но в ту пору лишь преподаватель говорил, а слушатели конспектировали его лекции. Теперь же мы всячески пытаемся стимулировать дискуссии, споры. Это очень сближает людей.

— Я видел тут неподалеку огромное здание, на котором здоровенными позолоченными буквами написано: «Эскуэла де лас Америкас». [25] Латиноамериканцы и азиаты обучаются раздельно?

— Нет, все вместе. Просто часть офицеров посещает основной курс, а часть — высший курс. Первый длится 16 недель. Второй — 20. Желающие могут продлить свое пребывание в Форт-Беннинге, если они хотят дополнительно пройти курс какой-либо специальной подготовки.

— Курс рейнджеров, парашютистов и так далее?

— Совершенно верно.

Льюер налил в пластмассовый стаканчик крепкого кофе и бросил туда чайную ложку молочного порошка.

— Вам с молоком или без? — спросил он, наливая кофе во второй стаканчик.

— Без. Вы были во Вьетнаме?

Льюер откинулся на спинку дивана и несколько мгновений сидел молча, потом опять придвинулся ближе к журнальному столику, по разные стороны которого мы сидели, уперся локтями в напружиненные ноги.

На краю столика лежала брошюра «Советская военная мощь: стиль руководства войсками». Льюер взял последний номер «Тайма» и прикрыл им брошюру.

— Был. 101-я воздушно-десантная дивизия, 501-й полк. Был командиром 2-го батальона.

— В какие годы?

— Семьдесят первый — семьдесят второй. Но я отвоевал во Вьетнаме еще и первый тур: шестьдесят седьмой — шестьдесят восьмой.

— Тоже командовали батальоном?

— Служил в штабе батальона. А в семьдесят втором выводил последнее американское подразделение из северных провинций Южного Вьетнама.

— В семьдесят втором война пошла на убыль?

— Я бы не сказал. Первые шесть месяцев батальон участвовал в активных наступательных операциях.

— А потом?

— А потом мы преимущественно обороняли коммуникации, по которым доставлялись боеприпасы и продовольствие.

— Наступательных операций не было?

— Были. Но лишь в тех случаях, когда нас обстреливали. Потом мы в течение длительного времени передавали южным вьетнамцам технику, наши заставы, полевые лагеря...

Он прошелся по кабинету. На полу лежал толстый ковер, и шагов генерала не было слышно.

Он подошел к письменному столу, взял миниатюрный серебристый танк, повертел его в руках. Поставил танк на прежнее место рядом с пивной кружкой, заполненной идеально заточенными карандашами. Кружка, похоже, была сувениром из Западной Германии.

Я спросил:

— Вы любите пиво?

— Люблю, — улыбнулся он. — Но вынужден себя сдерживать: вес...

— Вы в отличной форме, — заметил я.

— «Отличная форма» не так-то легко дается, он провел широкой ладонью по впалому животу. — Встаю в 5.30 утра. Включаю здешний девятнадцатый радиоканал и под музыку занимаюсь аэробикой.

— Мне казалось, аэробика — женский вид спорта.

— Не думаю. Сразу после нее я пробегаю 3–5 миль...

— Каждый день?

— Шесть раз в неделю. По воскресеньям позволяю себе расслабиться: сплю дольше и не бегаю.

— А гольф? Разве классический генерал может не играть в классический гольф?

— Нет, — рассмеялся Льюер, — не может. Кстати говоря, я сам ношу свои клошки и прочее снаряжение.

— Ваш ординарец, должно быть, вами не нарадуется.

— Должно быть, — опять улыбнулся генерал. — Я, между прочим, не исключение. Сейчас все военнослужащие следят за своим весом и физподготовкой. Иначе нельзя. Наша добровольная армия даже внешне очень отличается от нашей же армии тех времен, когда она была основана на всеобщей воинской обязанности. Очень.

— В чем, на ваш взгляд, основное различие? Внешний вид? Численность? Что еще?

— По моим наблюдениям, приходится иметь дело с двумя диаметрально противоположными типами солдатской психологии. В годы всеобщей воинской обязанности люди шли в армию с одним желанием: поскорее оттуда удрать. В добровольную армию идут люди, которые *хотят* служить. В былые времена офицеру все время приходилось подталкивать солдат, чтобы добиться от них выполнения любого пустячного приказа. А сегодня рядовой понимает: армия — его постоянный дом. Он *хочет* делать карьеру в армии и потому стремится показать себя с лучшей стороны. В этом вся разница. Сегодняшний солдат *хочет* бегать по пять миль в день. Сегодняшний солдат *хочет* отжиматься по семьдесят пять раз за две минуты. Сегодняшний солдат *хочет* служить.

— Но ведь многие ребята, вербуясь в армию, даже и не предполагают, что армия не для них, а они не для нее. Как быть с ними?

— Мы всячески стремимся поддерживать и развивать веру людей в свои способности. Настроение солдата резко падает, если офицер заставляет его заниматься не своим делом, не сутью, а внешней стороной. Так вот, мы даем возможность солдату посвятить себя сути — боевой и физподготовке. Конечно, не все приказы по душе солдату. Но даже если

это и так, все равно необходимо добиваться выполнения приказа. Однако приказ всегда, при всех обстоятельствах должен быть разумным. Иначе подрывается вера в командиров, мораль падает, а повернуть такой процесс вспять весьма трудно.

Льюер опять разлил по стаканчикам уже остывший кофе. Выпил свой залпом, запрокинув голову, словно стопку водки. Вытер бумажной салфеткой уголки прямого, волевого рта.

— У вас, — сказал я, — отличная библиотека. Она принадлежит вам или Форт-Беннингу?

— Моя домашняя библиотека еще больше, — живо ответил генерал. Чувствовалось: он гордится ею.

— Вы успеваете читать?

— Стараюсь успевать.

— Что же вы предпочитаете?

— Книги по военной истории. Военный раздел — самый большой в моей библиотеке. Всегда с интересом читаю работы Гудериана [26] о применении танковых войск. Люблю читать Паттона. Эти люди во многом определили современную стратегию и тактику армии Соединенных Штатов.

— Военную периодику просматриваете?

— Я читаю все основные военные журналы. В особенности то, что связано с боевой подготовкой солдат.

— А на «гражданскую» периодику время остается?

— Ограничиваюсь старым, добрым «Таймом». В нем есть все.

— В библиотеке Форт-Беннинга я видел несколько брошюр, на обложке которых стоит ваша фамилия. Выходит, вы не только читатель, но и писатель?

— Да. Иногда приходится разрабатывать и дорабатывать наши местные уставы.

— Во сколько вы ложитесь спать? Допоздна ли засиживаетесь на работе?

— Обычно я закрываю свой кабинет в 6.30 вечера. Какой смысл сидеть дольше? Если ты не укладываешься в рабочий день, значит, ты плохой работник. Кроме всего прочего, для выполнения моих прямых обязанностей мне необходим весь штаб. А я не имею права заставлять своих подчиненных находиться на рабочих местах дольше положенного времени. Так что к семи часам вечера все огни в здании штаба гаснут...

— Вечера вы обычно проводите дома?

— Да, я домосед. Я люблю свой дом, свою семью.

— Вы давно женаты?

— Двадцать девять лет. — Генерал кивнул на цветную фотокарточку молодой девушки. Казалось, фотография была сделана днем раньше.

— Ваша дочь?

— Жена! Такой я ее встретил почти тридцать лет назад — сказал Льюер.

Генерал опять встал с дивана, подошел к книжным полкам, снизу доверху закрывавшим одну из стен кабинета, взял карточку и протянул ее мне.

— Очень красивая женщина.

— Дочь, — удовлетворенно улыбнулся генерал, — пошла в нее. Похожи, как две сестры.

— Больше детей у вас нет?

— Что вы! — слегка обиделся Кеннет Льюер. — У нас их трое. Две дочки и сын. Старшая замужем за капитаном ВВС. Она подарила нам двух внуков. Младшая — капитан военно-медицинской службы, парашотистка, подводница. Ее муж — командир роты. Они служат на Гавайских островах.

— Завидное местечко, — сказал я. — Половина солдат, по-моему, хотят служить именно там.

— Да, — отозвался генерал. — Местечко и впрямь сказочное. Тепло, океан, фрукты... Что еще надо человеку?

— А что делает сын? Тоже пошел по стопам отца?

— Мой сын студент. Сейчас он в Гватемале. Подпить кофе?

— Спасибо. Еще одна чашка — и я превращусь в кофейник.

— Верно, — заметил генерал, — старайтесь себя ограничивать. Сам я кофе почти не пью. Делаю исключение, лишь когда меня навещают гости. Вам понравился Форт-Беннинг?

— Да, очень интересно.

— А что больше всего заинтересовало?

— Работа корпуса капелланов в Форт-Беннинге.

— В советской армии, — улыбнулся генерал, — их заменяют политработники. Воспитывают солдат в духе вашей «коммунистической веры». Я прав?

— Социализм не религия, — сказал я. — Из него пытались сделать религию со своим богом и апостолами. Но не получилось... Капелланы — прекрасные политработники: солдаты им исповедуются, открывают свои самые сокровенные тайны. В результате капеллан знает про рядового все — вплоть до цвета глаз любимой девушки.

— Честно говоря, сказал генерал, — я не смотрю на капелланов как на политработников. Это нечто совершенно особое. На мой взгляд, солдату необходим священник. Это я особенно остро осознал во Вьетнаме.

— Почему — именно во Вьетнаме?

Он удивленно посмотрел на меня.

— А вам, — спросил генерал, — удалось побеседовать с кем-нибудь из капелланов Форта?

— К сожалению, нет.

— Так ведь с этого надо было начинать... Сейчас я вам организую встречу. У вас есть время?

— Часа полтора, — ответил я, глянув на часы.

— И отлично!

Бог и армия

Капеллан Дональд Тейлор встретил меня на крыльце маленькой современной перквущки, приотившейся близ молодой сосновой рощи. Он был небольшого роста, но широк в кости, коренаст. Старательно отутюженная новенькая пятнистая форма ладно сидела на его крепкой фигуре. Голос его был мягок, вкрадчив, чуть хриловат, он проникал в самую сердцевину вашей души, подчинял, покорял вас со второго же слова.

— Чем, — улыбнулся капеллан, — объяснить ваш интерес к моей персоне?

— Быть может, тем, — сказал я, — что в нашей армии нет священников.

— Быть может, — согласился он.

— Где вы получили теологическое образование?

— Я три года учился в мемфисской христианской семинарии. [27] Там же защитил дипломную работу.

— Какой круг проблем исследовали вы в той работе?

— Ее тема звучала так: «Капеллан и проблема оказания помощи смертельно раненным или безнадежно больным в госпиталях».

— К тому времени у вас уже был опыт подобной работы?

— В определенной мере — да. Я много времени провел в госпиталях, в отделениях, где лежали больные раком. Я стремился помогать им морально, пытался утешить их. В своей работе я опирался на идеи Елизаветы Кублур Росс. [28]

— Вы имеете в виду вашу практическую или дипломную работу?

— И ту и другую. Елизавета Кублур Росс написала очень мудрую, очень ценную книгу под названием «Смерть и умирание».

— Печальная тема.

— Печальной нет, — согласился капеллан. — Пройдемте в церковь — здесь дует...

В церкви было по-домашнему уютно. Обычной для католических храмов торжественности — ни следа.

— В своей книге госпожа Кублур Росс утверждает, что большинство людей, которым стало известно, что они неизлечимо больны, перед смертью проходят через пять основных психологических состояний: отрицание своей смерти, ненависть к идее своей смерти, смирение и привыкание к идее смерти, выторговывание у судьбы или Бога шанса на выживание и, наконец, надежда на выживание.

— Что вы понимаете, — спросил я, — под выторговыванием шанса на выживание?

— На этой стадии больной или раненый склонен давать Богу клятвы.

— Какого рода?

— самого разного. Например, клятву уйти в монастырь, если будет дарован шанс выжить. Или клятву отдать все свое состояние в фонд строительства жилья для бездомных. Иногда больной делает попытку пережить Бога.

— То есть?

— Ну, скажем, чистосердечно кается, не прося взамен спасения, а в тайниках сознания — мысль о том, что это и есть единственный шанс выжить...

— Вы считаете, что капеллан может реально помочь безнадежно больному человеку?

— Да, считаю. И когда я думаю об этом, то вспоминаю одного сержанта, у которого рак поразил кость ноги. Он почти год лежал в ожидании донора, но с каждым месяцем его

надежда на выздоровление таяла. Я постарался своей верой усилить его веру. А это дало ему новые силы ждать. И он победил.

— Что именно вы говорите смертельно больным людям?

— Самое важное — попытаться внушить больному, что его жизнь не безразлична миру, что о нем думают, заботятся. По-разному люди реагируют на слова капеллана. Одни смиряются. Другие отказываются верить, что это происходит не с кем-нибудь, а именно с ними. Третьи уходят глубоко в депрессию. Иные мечутся между подавленностью и злобой. А кто-то уповает на лекарства или гениальность врачей. Я заметил важную закономерность: человек боится не смерти, а ее быстрого приближения. Тяжело переносится не сама смерть — свою смерть человек никогда не может зафиксировать, — а ожидание смерти. Когда я работал в госпитале имени Уолтера Рида, я говорил больным: вы — не исключение, мы все умрем.

— Но они-то знали, что им предстояло умереть очень-очень скоро. Они завидовали здоровым?

— Конечно. Но я пытался уводить их от отрицательных эмоций. Я не переставал внушать им, что все люди в некотором смысле смертельно больны: все рано или поздно умирают.

— Вы не замечали — чтобы утешить страдающего человека, достаточно указать ему на его же собрата, чьи страдания еще тяжелей. Глупо устроен человек: от сознания, что соседу тоже плохо, почему-то становится легче на душе. Разве это не мерзость?

— У любого человека достаточно сил, чтобы побороть мерзость внутри себя.

— Да, иногда это получается, но невозможно эту мерзость уничтожить полностью — так, чтобы она уж никогда более не давала о себе знать... Ну а что ваши солдаты? Что тревожит их?

В окне появилось солнце. Своими лучами, словно слепой — пальцами, оно принялось осторожно опусывать наши лица.

— Тоска по дому, — пожал плечами капеллан Тейлор, — вот что одолевает большинство ребят. У холостого юноши одни проблемы, у женатого солдата — другие: его гнетут многочисленные семейные неурядицы. У одного солдата умер тесть, жена была на третьем месяце беременности. Врач посоветовал ей лечь в клинику на сохранение. Однако без мужа она отказалась сделать это. Парень пришел за помощью ко мне. Мы долго молились вместе. Потом я направился к его сержанту и ротному, объяснил суть проблемы. Было принято решение отпустить солдата домой на несколько недель... Он вернулся в Форт-Беннинг совершенно другим человеком.

Тут капеллан взглянул на часы и виновато улыбнулся:

— Вы не обижайтесь, но мне пора: служба, знаете ли...

Распрощавшись с Тейлором, я поспешил на небольшой грунтовой плац, где уже начались занятия по изучению мин и способов их обезвреживания.

Там я познакомился со здоровенным малым, по имени Грег, и, находясь еще под впечатлением от беседы с капелланом, спросил, может быть несколько в лоб, верит ли он в бога.

— Я верю в Бога, — сказал Грег, положив ствол М16 на опрокинутую каску, — и это помогает мне переносить разочарования и тяготы армейской службы. Я знаю, что Бог соткан из человеческой веры. Слабее вера — слабее Бог. Меньше веры — меньше Бога. Чем крепче я верю, тем Он всемогущественней, тем Он добрее, тем внимательнее ко мне.

Странно было слышать это от здорового национального гвардейца.^[29] Струями, словно дождевая вода, катился пот по его чистому, грубой лепки лицу. Видимо, как раз этот контраст между жестокостью, мужиковатостью его внешнего облика и нежной светлостью сокровенных, столь искренне и просто выраженных религиозных чувств рождал то трогательное впечатление, которое еще очень долго после разговора с ним оставалось в моей памяти.

— Я часто вижу с капелланом, — продолжал он, — мы много беседуем с ним. Может быть, я уйду из гвардии и стану военным священником.

Всякий раз, когда мы с Грегом перебрисывались короткими фразами, сержант-инструктор Мануэль Бонелья бросал в нашу сторону взгляд, полный укора. Потом снова влюбленно смотрел на противотанковую мину М-21-А-1, которую он держал в руке, то и дело легонько подкидывая, словно пытался определить ее вес. Держал он ее чуть выше плеча, на растопыренной пятерне, напоминая официанта с подносом. Характерной для латиноамериканцев скороговоркой он рассказал, как устанавливать М-21-А-1, как обнаруживать однотипные мины, если рядом нет сапера. Бонелья, точно мастер международного класса по фехтованию, протыкал землю щупом и штыком от винтовки. Мысль его то и дело переносилась во Вьетнам, и он легко извлекал из памяти, будто мины из земли, всевозможные истории про саперов. Он безостановочно говорил минут тридцать и, глянув на наручные часы, объявил короткий перерыв.

— Всем выпить по пять больших плотков воды! — крикнул он вдогонку разбредавшимся солдатам.

— У вас, — я подошел к Мануэлю, — поразительная память. Я специально сидел и считал: вы умудрились вспомнить четырнадцать историй, каждая из которых, попали она в руки Тома Клэнси,^[30] стала бы новеллой или романом.

— Благодарю. — Он поклонился, словно артист на сцене. Как пить дать: шумевший на ветру лес в ту минуту казался ему аплодисментами восторженной публики.

К нам направился улыбчивый офицер. С каждым шагом улыбка его становилась шире, а уголки рта вот-вот должны были сомкнуться на бритом затылке.

— Привет. — Я кивнул ему. — Хорошо, что вы здесь, а то меня измучило чувство собственной беспризорности.

— Одиночество, знаете ли, действует на меня хуже удущья.

Он опять улыбнулся. И если бы не показавшиеся вдруг острые резцы, улыбка эта вполне могла бы занять первое место на конкурсе наиболее приветливых и улыбчивых людей. Но у меня скверный характер: я обожаю злить тех, кто со мною мил, с детства страдаю аллергией на сахар.

— Мануэль! — Я громко обратился к сержанту по-испански. — Давайте говорить на вашем родном языке. Ведь вы из...

— Из Гватемалы, — подхватил Бонелья, — я очень рад этой возможности. Последний

раз она представилась мне недели три назад — Он все никак не мог сойти со сцены: высокопарный «штиль» прилип к нему, как жвачка.

Но тут пришла минута моего торжества: я увидел, как напряглись уши улыбчивого офицера.

Я продолжал говорить с сержантом по-испански, а про себя подумал, глянув на офицера: «Один: ноль в мою пользу! Ваш ход, сэр».

В тот день он больше не улыбался. Вид у офицера был такой, будто я украл у него тысячу долларов.

Маленький большой лейтенант

Фамилия лейтенанта Литла^[31] совершенно не соответствовала его габаритам. Нехитрая логическая цепочка привела меня к мысли, которую я ему сразу же после знакомства высказал:

— Держу пари, лейтенант, что рота за глаза называет вас исключительно так: лейтенант Биг.^[32] Я угадал?

— Естественно, — вяло улыбнулся он. Выражение его лица говорило о том, что кличка Биг ему порядком осточертела, потому как бежит за ним по пятам со дня рождения. Может быть, она была проклятием, преследовавшим род Литлов на протяжении всей истории его существования?

С Литлом я познакомился в маленьком придорожном магазинчике-кафетерии, куда заглянул, направляясь обратно в казарму. Я шпал, но мины сержанта Бонельи мерещились мне повсюду. Глаза автоматически обшаривали простирившуюся впереди грунтовку, прощупывали каждый ее метр. Потому я был рад свернуть долой с дороги в маленькую кафешку, название которой забыл, как только покинул ее. Пытался потом вспомнить, чтобы записать в блокнот, но потуги памяти так ни к чему и не привели. Осталось лишь ощущение, что от названия исходил сильный, но фальшивый энтузиазм. По-моему, оно звучало либо «Привет, солдат!», либо «Эй, рейнджер, загляни!».

Словом, я заглянул. Лейтенант стоял у полки с книгами, листая последний роман Тома Клэнси «Кардинал Кремля». Судя по обилию написанных и изданных за последнее время произведений (приблизительно один толстенный роман в год), Клэнси успешно выполнял личную пятилетку.

— Хорошо плетет романы этот Клэнси? — спросил я небрежно лейтенанта.

— Угу, — ответил он. — Не успеваешь прочесть один, а на книжных полках в магазинах уже появляется новый.

— А вот это вы читали? — Я кивнул на роман «ТАСС уполномочен заявить...»

— Не успел. Там про кого?

— Там про парней из ЦРУ, которые ставят клизму парням из КГБ, но потом один толковый парень из КГБ ставит клизму сразу всем парням из ЦРУ.

— А вы, собственно, откуда? — вдруг холодно спросил меня лейтенант, оторвавшись

от книги.

Было очевидно: сюжетный ход, придуманный писателем Ю. Семеновым, вызвал в голове лейтенанта ряд смутных подозрений.

Я был на грани провала.

Собрав в кулак свою волю, стараясь казаться хладнокровным, я назвал лейтенанту свою фамилию. Он выждал несколько мгновений, показавшихся мне часом, и сообщил свою.

Вот тогда-то, чтобы перевести тему разговора, я произнес спасую меня фразу:

— Держу пари, лейтенант, что рота за глаза...

Хотелось пить: в горле пересохло. Я подошел к продавщице и, указав на запотевшую банку пива, достал из нагрудного кармана мелочь.

— Извините, сэр, — она развела руками, — но нам запрещено продавать солдатам алкогольные напитки.

В голове запульсировали три контраргумента. Первый: «Но позвольте, разве пиво — это алкоголь?!» Второй: «Я не солдат, а журналист, переодетый в солдата».

И третий: «Я — советский человек, переодетый в американского солдата».

Я выбрал последний.

— Знаете, ваш предшественник был чуть оригинальнее, — сказала она в ответ и на всякий случай закрыла стеклянную дверцу морозилки, — вчера утром зашел сюда и начал меня убеждать в том, что он актер из Голливуда и снимается здесь в кино. Мило, не правда ли?

Я вышел из магазинчика, так ничего и не купив. Литл пылил впереди по грунтовке. Я догнал его.

— С пивом или без? — Он окинул взглядом мои карманы.

Отрицательно покачав головой, я тоже спросил его:

— С Клэнси или без?

Он продемонстрировал мне плотную книжку. Суперобложка плянцем сверкнула на солнце.

— Знаете, как Клэнси начинал? — спросил лейтенант.

— Без понятия.

— Работал страховым агентом. Был беднее и голодней церковной мыши. Но страсть разбогатеть не переставала теревить мозг. Страсть эта да любовь к морской стихии сделали свое дело. Клэнси купил две книжки Нормана Полмара «Советский военно-морской флот» и «Военно-морские силы современности». Заодно приобрел за пятнадцать долларов детскую игру «Гарпун».

От какого-то бывшего подводника поднабрался профессиональных словечек. Вскоре, в 1984 году, появился его первый роман «Охота за красным октябрем».

— Вы читали?

— Да, речь идет о капитане русской подводной лодки, который перебегает в Штаты. Потом как из автомата Клэнси выстреливает остальные романы: «Начало красного шторма», «Патриотические игры» и так далее.

— Судя по обилию красного цвета в названиях, везде фигурируют советские?

— Практически везде. Но он не антисоветчик. Просто это позволяет ему держать в напряжении читателя.

— Такое впечатление, что Клэнси «напряг» всю Америку. Куда ни сунешь нос, везде читают его... Даже у министра обороны Карллуччи я заметил книжку Клэнси на рабочем столе.

— Да, перед ним открыта любая дверь в Пентагоне, на авианосце или на военной базе.

— Что о нем думает литературная критика?

— Я не читаю критику.

— Ваш ответ — ответ настоящего писателя.

— Я слышал, его называют основоположником художественно-технологического жанра.

— Как?

— Имеется в виду, — Литл засунул книжку в карман, — что боевая техника в его романах устроена сложнее и описана с большим мастерством, чем характеры главных героев.

— Очень милый жанр. «Когда зарождал двигатель, танк вздрогнул и почувствовал, как тепло разливается по всему его бронированному телу». Или что-нибудь в этом духе. Верно?

Лейтенант улыбнулся.

— Верно, — сказал он.

— В таком случае, Клэнси отстал от жизни. У нас от таких книжек ломаются прилавки магазинов. По-моему, ваши и наши Клэнси подписали тайное соглашение о рынках сбыта своих романов и прибылях. Они друг друга понимают на расстоянии. Своего рода транснациональная литературная корпорация.

— Осталось придумать название. Что-то типа...

— Что-то типа «Смерть инкорпорейтед». Смешно и страшно одновременно.

— Ничего страшного: просто — развлекаловка.

Слово «страх» потянуло за собой цепочку иных ассоциаций.

Я сказал:

— Лейтенант, мне приходилось много слышать о ваших «уроках страха». Если не секрет, расскажите подробней.

Литл растер кончиками пальцев мощные надбровья, провел ладонью по лицу, словно смахивая с него паутину, и сказал:

— А что тут секретного? Обычная процедура... «Урок страха» проводят в конце первой недели пребывания солдата в Беннинге. Собирают всех в одном зале. Неожиданно появляется человек в форме армии противника — советской или, скажем, кубинской. Он начинает издеваться, оскорблять ребят, их патриотические чувства. Говорит с сильным русским или кубинским акцентом. Вовсю «поливает» Америку, существующую у нас демократическую систему, отпускает шутки по поводу добровольной армии, заявляя, что она не может сравниться с советской. Предлагает кому-нибудь отжаться на руках. Кто-то непременно соглашается, но делает не более десяти-пятнадцати отжимов: слабоват еще.

Тогда на глазах у всех отжимается «кубинец». Раз эдак восемьдесят-девяносто. Потом спрашивает: «Ну что, салаги, кто из вас знает ТТХ^[33] советского БТР?»^[34] В зале — гробовая тишина. Тогда «кубинец» точно автомат перечисляет десять основных характеристик «брэдли».

— А как реагируют солдаты?

— К концу первых двадцати минут «урока» они напоминают молодых быков, разъяренных пикадором. Кто-то из них, доведенный до состояния кипения, срывается с места и бросается на «кубинца», хватая его за грудки, пытается повалить. «Кубинец» уводит. Все это происходит спонтанно...

— И чего вы этим добиваетесь?

— Мы заметили, — Литл явно удивился моей непонятливости, — что «урок страха» стимулирует солдат, заставляет их активней заниматься физподготовкой, внимательней изучать армию противника.

— Своего рода психический шок, верно?

— Да, своего рода...

— Это, лейтенант, конечно, ваше личное дело, но я всегда был убежден, что негоже играть на отрицательных чувствах людей.

— Но ведь мы ничего плохого про русских не говорим. Напротив, «кубинец» издевается лишь над Америкой и американцами. Ты не понял?

— Я все понял. В том числе и то, что конечным итогом «урока страха» является рост антисоветизма среди молодых солдат.

— Но мы преследуем при этом иную цель — стимулировать учебный процесс, а не возбуждать антирусские настроения.

— Ладно, лейтенант, — сказал я, — бросим этот спор. Мы, видно, друг друга не переубедим. — Потом не удержался и добавил: — Какой-то умный древний дядя пару тысяч лет назад сказал: использующий зло в своих целях неизбежно становится его жертвой.

Метров триста мы шагали молча. Литл шел, вонзая упрямый взгляд в дорогу под ногами. Казалось, он прочерчивал им разграничительную линию.

Мы миновали военный универмаг, где беннинговцы могут отовариваться по сниженным ценам. Там можно приобрести все, кроме, быть может, автомобилей, телевизоров и электроники.

— А в мае, — почему-то сообщил вдруг Литл, — я уже буду шагать по дорогам Западной Германии.

— Ты знаешь — где именно?

— Пока нет.

— Отличается ли подготовка тех военнослужащих, которым предстоит служить в ФРГ, от подготовки тех, кого посылают, например, в Южную Корею?

— Не думаю. Всем солдатам втолковывают, что необходимо выиграть первый же бой с потенциальным противником. Особое внимание уделяется борьбе с превосходящими танковыми группировками Совет... то есть потенциального противника. Стрельба из гранатометов, ТОУ... Словом, противотанковой тактике обучают всех. Тот, кто стреляет

первым, побеждает. На войне вообще вторым нельзя быть. Можно — только первым. Вторых и третьих убивают.

— Говорят, лучшее средство борьбы с танками — это танки.

— Да, верно. Мы поняли это еще в 1973 году, оценивая результаты арабо-израильской войны. А вот и твоя казарма. Извини: мне пора в штаб.

— Спасибо, что проводил.

— Прощай, — улыбнулся он и помахал рукой, словно я стоял в километре от него.

— Пока, лейтенант. Желаю тебе получить три генеральские звезды.

— Если это приказ, я выполню его.

— Не сомневаюсь.

Он еще раз махнул мне рукой, повернулся и был таков.

Я постоял немного на улице и вошел в казарму. Ошвартовался на своей койке с намерением не покидать ее до утра. Прежде чем провалиться в сон, мельком глянул на койку Вилли и отметил, что на тыльной стороне его каски появилась новая надпись: «Любовник смерти». Вилли медленно, но верно превращался в «черного юмориста».

Доминик-Инесса из Чхонджу

Однако этому богатому событиями дню не суждено было закончиться так рано. Сквозь сон я услышал щелчок, потом еще один, и еще. С трудом разлепляю веки — на моей койке сидит Уэйн Сорс: он возился с фотокамерой.

— Предлагаю смотаться в Колумбус. У меня кризис с пленкой — надо обновить запасы.

— Тогда — полный вперед!

Минут через пятнадцать мы уже подъезжали к Колумбусу.

— Милый городишко, — сказал Сорс.

— Уже почти двенадцать ночи, — заметил я, — а горожане и не думают идти спать.

— Провинция не хочет походить на провинцию.

Мы остановились у магазинчика, чья витрина была вся заставлена фотоаппаратурой самых разных марок. Хозяин возился с металлической решеткой, не желавшей закрываться. Мы помогли ему забаррикадироваться от потенциальных грабителей, старик расчувствовался и продал Сорсу шестьдесят кассет со скидкой.

— Надо отметить удачную покупку, — сказал Сорс, усаживаясь за руль.

— Это просто-напросто необходимо, — согласился я.

— Тогда предлагаю заскочить в солдатский ночной бар «Перекур у светофора».

— Почему — солдатский?

— Сейчас сам поймешь...

«Перекур у светофора» кишмя кишел бритыми солдатскими затылками. Как я потом выяснил у Сорса, это были, естественно, ребята не из «учебки» (там такие «вольности» не позволены), а из регулярных частей. В баре было темно. Из усилителей лилась модная в

тот месяц меланхолическая песенка «Медленно мы любим друг друга...» Ее прокручивали раз пять подряд под шумные солдатские аплодисменты. Потом хриловатый женский голос пропел уже успевшую стать классикой «У нее глаза, прямо как у Бетти Дэвис».

На сцене танцевала темнокожая девушка в фосфорическом купальнике.

— Не хотите угостить меня пивом? — Обратилась к Сорсу девушка в точно таком же купальнике, сидевшая за соседним столиком.

— Запросто, — отозвался Сорс и пошел к стойке, на ходу доставая из кармана хрустящие доллары.

— Вы японка? — спросил я девушку, когда она пересела за наш столик.

— Нет, — ответила она, — я из Южной Кореи.

— Как вас звать?

— Доминик. А можно — Инесса.

— У вас что — два имени?

— Да, — улыбнулась она, — и я меняю их в зависимости от настроения. Сегодня у меня дождливо на душе: так что зовите меня Доминик.

— Как вы оказались в Колумбусе? — спросил Сорс, усаживаясь на стул и ставя на клетчатую скатерть три кружки пива.

— Точно так, как и все остальные корейки, работающие в этом и других барах, — почему-то обиделась Доминик-Инесса.

— А-а, старая история... — Сорс сделал большой поток. — Объясню иностранцам: ее родители заплатили американскому военному служащему порядка тысячи долларов...

— Тысячу двести, — опять обиделась девушка.

— Ладно, — махнул рукой Сорс, — тысячу двести долларов, чтобы он женился на ней и увез в Америку. Здесь он с ней разводится, помогает получить натурализацию и получает за это еще столько же долларов. Она устраивается работать в этот бар и выписывает всех своих сестер из Сеула...

— Из Чхонджу, — опять поправила девушка.

— Они зарабатывают тут деньги, большую часть переправляя на родину. Но некоторые солдаты не дают развода и продолжают сосать деньги из своих жен в течение многих лет. Пока те не потеряют «товарного вида»... Нам пора возвращаться на базу. Прощай, Инесса!

— Пока, Доминик! — сказал я.

— Бывайте, — бросила она и повернула свою миниатюрную головку в сторону сцены.

Хребет американской армии

— Давайте, ребята, пошевеливайтесь! Залезайте в свои ботинки! — Сержант Джеймс Барнэби идет по казарме, сверкает во все стороны глазами. — Я, кажется, сказал —

пошевеливайтесь!

Очередное утро в Беннинге. «Любовник смерти» соскакивает со второго этажа койки.

— Как дела? — интересуюсь я у Вилли.

— Не родила! — Взяв зубную щетку, пасту и полотенце, Вилли направляется в сторону ванной.

Дождавшись очереди, я подхожу к умывальнику, гляжу в отполированный до зеркального блеска железный щит на стене. Вилли делает то же самое, но при этом с отвращением мнет пальцами свою заспанную физиономию.

— Ненавижу! — тихо, но четко говорит он, словно видит перед собой Джоди. — Ненавистная морда.

В комнатке сержанта Барнэби — ни пылинки. Он сидит за письменным столом. Лампа дневного света придает его лицу синеватый оттенок.

Барнэби что-то строчит в суточной ведомости. Иногда заглядывает в здоровенный словарь Уэбстера.^[35]

— У меня паршиво с орфографией, — говорит он в ответ на мой вопросительный взгляд, — а офицеры ошибок не любят. Капитана Сориано они выводят из себя. Так что приходится иногда консультироваться у мистера Уэбстера.

На столе Барнэби лежит кипа пожелтевших журналов, пачка жевательной резинки. В специальной подставке выстроились по росту идеально заточенные карандаши. На ножке стола нацарапано: «Кровь и сила воли!».

Ветер теребит географическую карту мира. Она покачивается за сержантской спиной на стене. Красным фломастером помечены города в Камеруне, Венгрии, Саудовской Аравии и Перу: стратегические интересы сержанта Барнэби явно не укладываются в рамки Форт-Беннинга. На самом краю карты, чуть выше Северного полюса, выведено аккуратным сержантским почерком: «Рандеву с судьбиной».

— Ты не вешалка для мундира, — бросает сержант солдату, появившемуся за моей спиной, — застегнись! — Потом опять обращается ко мне: — В моей роте поступившему на службу легко продвинуться. Я смотрю за тем, чтобы каждый получал столько, сколько заслуживает. Солдат должен чувствовать, что начальство замечает его старания. И, конечно, его халатность.

Барнэби глядит на часы и резко поднимается:

— Пора строиться, уже пятьсот^[36] натикало!

Мы выходим на улицу. Солдаты стоят рядами вдоль казармы. Я пристраиваюсь за Вилли.

— Здоров! — Кто-то резко всовывает в мою ладонь широкую мокрую кисть. — Не забыл еще меня?

Это Билл Уолтон. Всю вчерашнюю вторую половину дня он где-то пропал.

— Билл, я не забуду тебя до конца своих дней.

Такое впечатление, что за прошедшие две-три минуты в плотку Барнэби вставили громкоговоритель: сержант орет на всю округу — стекла в казарме вот-вот треснут.

По асфальтированной дорожке, ведущей в столовую, идет блондинка. Рота миглом берет ее на прицел. Грудь блондинки покачивается в такт шагам. Тонкая бежевая юбка

плотно обтягивает ее бедра. Десятки глаз эскортируют дамочку.

— Спокойно, солдат, — говорит Вилли сам себе, — спокойно! Это — приказ.

Коленки блондинки ритмично бьются под юбкой.

— Она нас не замечает, — шепчет парень слева.

— Чего ей тебя замечать?! — откликается Вилли. — Такая согласится минимум на подполковника.

— Ребята, закройте рты и дышите плубже, — раздается баритон сзади, — это жена майора. С такой застукают, ей стоит один раз пискнуть «ой, насилуют!» — и ваша песенка спета.

— Майор?! Ну и что?! — не унимается парень слева. — Тоже мне — восьмые штаны в тридцатом ряду!

Блондинка исчезает за дверью столовой. Над дорожкой, по которой она только что шла, остается висеть лишь шлейф едва уловимых духов.

Строем идем в столовую: завтрак длится минут десять. А оттуда — напрямик в барак, где уже начали выдавать автоматические винтовки М16. К стволу каждой прикреплен штык-нож: всю первую половину дня мы будем отрабатывать приемы штыковой атаки.

— Еще лет тридцать назад, — объясняет мне командир роты капитан Деррик Сориано, — солдаты обычно хранили оружие в казармах в железных шкафах вместе с вещами. Потом было решено держать винтовки в специальных бараках охраняемых и оборудованных сигнализацией.

Сориано — худощавый филиппинец лет двадцати девяти. Он очень строг, почти не улыбается. Тонкая, с сильным смуглым подмесом кожа обтягивает его широкоскулое лицо.

— Куда мы идем? — спрашиваю капитана, пристроившись в самый конец марширующего строя солдат.

— На плац, — отвечает он. — Милях в четырех отсюда.

Сержант Барнэби запеваёт, солдаты дружно подхватывают:

Привет, Джозефина!

Как твои дела?

Вспоминаешь ли ты обо мне так,

Как я вспоминаю тебя?

— Деррик! — кричу я капитану. — Хотя ты и командир роты, но за все утро ни разу не отдал ни одного приказа. Ротой практически командует сержант Барнэби. Это характерно для всей армии или лишь для роты капитана Сориано?

«Погоди, — как бы говорит жестом Деррик, — дай им подпеть куплет — отвечу».

Солдаты продолжают сотрясать своими глотками могучие стволы сосен:

Привет, Джозефина!

Даже когда тебе было девять,

Ты была жутко мила.

Я часто причёсывал твои

Роскошные волосы

И готов был расплакаться
От несправедливости,
Потому что вместо этого мне хотелось
Тебя целовать!
Но было нельзя!
О-о! Джозефина!
Как твои дела?..

— Сержантский состав, — орет в ответ Деррик, — хребет американской армии. Сержант — и учитель, и воспитатель, и непосредственный командир подразделения. Мы, офицеры, обычно отдаем приказание через сержантов. Мы им доверяем. Правда, с них и спрашиваем. Сами же не стремимся вступать в непосредственный контакт с рядовым составом. Пентагон делает все возможное, чтобы завлечь сержантов, оставить их служить как можно дольше. Многие из них находятся в армии двадцать и более лет.

Открутив крышку от фляги, Сориано делает несколько глотков воды. Предлагает мне.

Я пляжу на Джеймса Барнэби, бойку шагающего впереди. На таких, как он, и впрямь держится армия США.

Рота идет несколько минут молча.

— В семьдесят втором году, — говорит Билл Уолтон, — лишь 70 процентов сержантов нашей армии хотели продолжать службу в рядах вооруженных сил. Зато сегодня около 90 процентов тех сержантов, чей срок службы вышел, желают продлить контракты с Пентагоном.

— Они, — Сориано засовывает флягу в чехол, — обучают не только солдат, но и вторых лейтенантов — выпускников военных училищ, передают им основные навыки обращения с рядовыми. Что интересно — лейтенанты в течение трех-четырёх недель подчиняются сержантам. Прямо как солдаты. При этом молодые офицеры не считают для себя унижительным выполнять приказание сержантов. Не в обиду лейтенантам будет сказано, но без них армия обойтись может, а вот лиши ее сержантского состава, моментально наступит, как говорят в Голливуде, «конец фильма».

— Если нет поблизости капеллана, — Уолтон перебивает капитана, — его обязанности выполняет — частично, конечно, — не кто иной, как сержант. Скажем, получил солдат письмоцо «Дорогой Джон!», начинает шарить глазами в поисках хорошего сука на дереве. Видя такое дело, на помощь парню приходит сержант.

— Как же поможет сержант?

— Элементарно, — Уолтон взмахивает рукой так, словно отбивает тыльной стороной ладони теннисный мячик. — Подходит он к солдатике, кладет ему руку на плечо и говорит что-нибудь вроде: «Послушай, браток, не вешайся ты из-за нее. Если она тебе изменила, значит, она б... А разве из-за б... стоит вешаться? Верно, не стоит. Так что будь молодцом, служи исправно, и мы пошлем тебя в Германию. Встретишь там симпатичную немочку, а про эту стерву, обещаю тебе, и не вспомнишь. Поверь мне — я не через такое прошел...» Глядишь, через день-два солдатик уже улыбается... Вопрос о самоубийстве с повестки дня снят.

— Капитан, — обращаюсь я к Сориано, — и все же многие солдаты, я заметил,

жалуются на чрезмерную грубость сержантов.

— Мы, — Деррик указывает на себя и Уолтона пальцем, — позволяем сержантам кричать лишь во время первой недели пребывания «нюбиос»^[37] в учебке. Это своего рода «шоковая терапия». Цель — заставить молодняк слушаться и выполнять приказания с первого же раза. На второй неделе сержанты кричат меньше. Но я считаю, что крик — дело нормальное.

— Деррик, ты все время служил в Штатах?

— Нет, я был в Западной Германии. Там, кстати, женился.

— Ты имеешь право брать жену с собой всюду, куда бы тебя ни отправили служить?

— В большинстве случаев. Запрещено, правда, это делать, если ты служишь, к примеру, на границе с Северной Кореей. Есть еще несколько исключений.

— Какую натовскую армию — я имею в виду ваших европейских союзников — ты считаешь наиболее боеспособной?

— Трудно сказать. Я очень уважаю западных немцев.

— А англичане?

— Крепкая армия. Но Фолкленды показали, что у них серьезные проблемы с взаимодействием родов войск. Во время войны с Аргентиной английские сухопутные части, флот и авиация действовали сепаратно. Потому и потери были слишком большими для такого малого конфликта. Важно, чтобы как можно больше офицеров имели за плечами опыт работы в объединенном штабе родов войск. Иначе будет бардак. Между прочим, учения очень хорошо выявляют такого рода недостатки. Когда я думаю о Фолклендах, я вспоминаю Клаузевица,^[38] его мысли насчет необходимости единоначалия и командования войсками из одного центра. Кстати говоря, большой проблемой Уэстморленда^[39] во Вьетнаме было то, что он получал приказания не только из штаба Тихоокеанского командования,^[40] но и из комитета начальников штабов в Вашингтоне. Порой эти приказы противоречили друг другу.

— Об этом Уэстморленд много пишет в своих мемуарах.

— Верно, — Сориано поправляет противосолнечные очки на переносице, — во время вьетнамской войны он сильно страдал от отсутствия единого стратегического штаба, который бы мог руководить всеми американскими военными операциями в Юго-Восточной Азии.

«Бедненький Уэстморленд, — думаю я, — он страдал от отсутствия единого стратегического штаба. Еще, говорят, он здорово страдал от жары. Но думал ли генерал, что вьетнамцы страдали и гибли от его, уэстморлендских, бомб?»

Огромный плац, окруженный со всех сторон лесом, утыкан десятками пластмассовых фигур в человеческий рост. Каждая фигура «держит» здоровенную палку, имитирующую винтовку. У опушки установлен бак с водой. На нем кто-то нацарапал: «Дерьма нам не надо!».

— Солдаты! — орет сержант на всю округу. — Я хочу, чтобы каждый из вас сосредоточил все свое внимание на кончике штыка, прикрепленного к М-16-А-1. Вы меня поняли?

— По-оняли!

— Вы меня поняли? — не слышу! Отвечайте, как подобает солдатам, а не девственницам! Вы меня поняли, солдаты?!

— По-о-о-оняли! У-а! У-а-а!!

— Если вы меня и впрямь поняли, то слушайте дальше. За последнюю пару веков мужчины стали слабонервными и женоподобными. Наши прадеды, бывало, потрошили врага, отрубали ему руки-ноги саблями, выковыривали из черепа мозги, а после того шли с большим аппетитом завтракать. А мы? Мы, конечно, еще способны выстрелить в какого-нибудь мерзавца с расстояния в тысячу ярдов, [41] но упаси нас увидеть, как он истекает кровью... Так вот, солдаты, ваша задача — преодолеть этот психологический барьер. Вы должны приходиться в восторг при виде вражьего сердца, бьющегося на острие вашего штыка!

Роты внимательно слушают сержанта. Он стоит, широко расставив ноги. В каждом стеклышке его черных очков отражается солнечный диск. Указательным пальцем он смахивает с бровей пот.

— Солдаты! — кричит сержант. — Вам здорово повезло: где еще вы можете убивать, кромсать, резать противника на маленькие кусочки и получать за это деньги?! Запомните: быть на войне садистом — значит быть реалистом. Представьте, что напротив каждого из нас стоит живой противник. Звать его... э-э... Фред. Фред — мазохист. Он обожает, когда его пытаются, бьют, режут, протыкают насквозь. Давайте же осласливым Фреда. Давайте дадим ему то, чего он так жаждет. Я сказал: давайте дадим ему!

— Давайте дадим ему! Давайте дади-и-им ему!!! — отзываются хриплые солдатские глотки.

— Но надо знать — как. — Сержант подходит к пластиковой фигуре. — Есть пять смертельных штыковых ударов.

Он с ревом набрасывается на «Фреда», вонзает штык в пластиковую шею, чуть ниже кадыка.

— Такой удар, — комментирует сержант, — заставит Фреда петь сопрано. А такой вот удар, — он бьет прикладом и лишь потом — штыком, — в одну секунду отправит его на тот свет. Верно?

— Верно!

— Что-что?

— Верно! Ве-е-ерно!!! — гремят солдаты.

— Надо помнить о том, что на том свете Фреду будет много лучше: туда ваш штык не доберется. Но в этой жизни надо быть садистом! Быть садистом — значит быть реалистом! Верно?

— Быть садистом, — кричат солдаты, — значит быть реалистом!

— Что вы там пищите? Или я имею дело с отрядом гёрлскаутов?[42]

— Быть садистом, — взрываются океанским ревом солдаты, — значит быть ре-а-листом!! У-а! У-а-а-а!!!

Солдаты, с каждой секундой все более и более свирепея, отчаянно фехтуют вспыхивающими на солнце штыками. Что есть мочи орут:

— Убей! Убей!

Моя фляга пуста. Я направляюсь в сторону бака с водой. Там, в тенечке, прячется от солнца паренек лет двадцати. Судя по эмблеме на его пыльной форме — шлем рыцаря-крестоносца, он уэстпойнтовец.

— Жара, — говорит он, оторвавшись от фляги, — так ее растак!

Две тоненькие струйки воды тянутся от уголков его рта вниз по шее, прячутся под воротник.

— Из Уэст-Пойнта? — спрашиваю я, чтобы завязать разговор.

— Угу, — отвечает парень. — А ты?

Я представляюсь.

— Очень мило, — вдруг улыбается он. — Я Крис Робинсон. Третий курс.

— Трудно к вам поступить?

— От башки зависит. Главное — получить рекомендацию от конгрессмена, представляющего твой родной штат в Вашингтоне. А для этого нужно пройти собеседование с ним, успешно сдать тест по физподготовке, ответить на целую уйму вопросов в анкете. Кроме того, в школьном дипломе должны стоять хорошие оценки по английскому языку, литературе и математике.

— Ты платишь за учебу или тебе платят?

— Мне, — отвечает Крис, отгрызая кусочек ногтя на мизинце. — В месяц получаю 218 долларов. Это, конечно, поменьше заработка Фрэнка Карлуччи, но, если учесть мамнины и папины денежные переводы, то на карманные расходы хватает.

— У тебя есть научная специализация?

— Натурально. Моя последняя курсовая работа... — Крис щурится, переводит взгляд на небо, глаза его скачут с облака на облако, — дай Бог памяти... А! «Проблемы лидерства в армии».

— Звучит неплохо. Ты любишь армию?

— «Любишь» не то слово. Мне в армии хорошо. Армия моя, так сказать, тарелка. Кому не нравится — может уходить на все четыре... Лет двадцать назад наша армия была скопищем неудачников. Некоторые даже гордились, что их жизнь пошла наперекосяк — эдакая романтика шиворот-навыворот...

— Тебе нравится принадлежать к армейской элите?

— Принадлежать к элите, — Крис закидывает ногу на ногу, — всегда паршиво. Элиту не любят. Вот я из Нью-Йорка. Нью-Йорк — элита среди городов. Именно поэтому ньюйоркцев в Америке не очень-то жалуют. Пошли обратно на плац? А то решат, что я сачкую, сообщат в академию, а там начальнички быстры на расправу — погонят меня взащей. Вставай, потопали...

Мы идем обратно. Солнце вяло плетется за нашими спинами. Как и час назад, солдаты орут каждые пять секунд:

— Убей! Убей!

Какой-то «Фред» не выдерживает — «замертво» валится наземь. Я подхожу к нему. Пластмассовые зрочки «Фреда» бессмысленно плядут в небо. Грудь исколота штыком.

Лишь теперь я замечаю на его каске чуть выпуклую пятиконечную звезду. Я дотрагиваюсь до нее.

— Это не советский солдат! — кричит вдруг выросший из-под земли Билл Уолтон. — Я совершенно официально заявляю, что это не советский солдат.

— В таком случае, — спрашиваю я, — чей?

— Это, — Билл Уолтон садится рядом со мной на корточки, — это, вне всякого сомнения... конечно же, э-э-э... вьетнамский солдат. Разве ты не видишь? Разве ты не видишь, что это вьетнамский солдат?! Кто же еще?! Конечно, это вьетнамец!

— Переры-ы-ыв! — зычно кричит сержант. — Всем выпить воды!

Я опять дотрагиваюсь до звезды на каске «Фреда».

— Тебе его жаль? — спрашивает Билл. — Не печалься. Сейчас мы воткнем его в землю и он опять оживет...

— Нет, Билл, — говорю я, — мне жаль вовсе не «Фреда». Мне жаль ваших ребят.

Портрет рейнджера

Лицо полковника Бобби Хоффмана было раскрашено серыми, коричневыми и зелеными пятнами. Словом, оно напоминало кошмарную галлюцинацию. Будто его обтянули маскировочной тканью взамен кожи. На этом фоне выделялись лишь глаза: две голубые точки внимательно следили за удаляющейся бабочкой.

Мы сидели в ожидании вертолетов: предстояло тренировочное десантирование в одном из районов соседней Алабамы.

Полсотни солдат из батальона Хоффмана разбились на отдельные юрабельные группы — по двенадцать человек в каждой: ровно столько вмещает «блэкхок». [43]

Вокруг под порывами ветра вскипала разноцветьем степь. Дрожал ковыль, гнулась к земле имурка, пьяно шатался шалфей.

Вдали, опоясывая нас тонким обручем, непрерывно тянулась линия горизонта. Скользя по ней быстрым взглядом, Хоффман наконец ответил на мой вопрос: надо ли детям разрешать играть в войну? А почему нет? Пусть уж лучше ребенок с детства узнает, что он родился на свет, находящийся в состоянии войны. Пусть к тому моменту, когда он подрастет, в его голове будет одной иллюзией меньше. По крайней мере, такое воспитание честнее. Героизм воспитывается с детства. Бог благоволит к героям.

— К сожалению, чтобы стать героем, надо отдать свою жизнь.

— Не всегда. Настоящий солдат умеет ее сохранить. Кроме того, я всегда верил, что у героя есть тайный договор с Богом: храбрый человек так самозабвенно готов пожертвовать своей жизнью, что тем самым обязывает Бога защитить ее. Это старая рейнджеровская истина. Я часто повторяю ее своим ребятам в батальоне.

Хоффман говорил с таким значительным видом, что порой меня щекотало сомнение: а не издевается ли он?

Я продолжал внимательно наблюдать за ним.

Полковник широкой ладонью осторожно погладил траву справа от себя. Словно волосы спящей женщины. Он был по-прежнему смертельно серьезен. Над головой полыхало солнце.

— Герои, их дела и поступки, войны и воины — все это невозможно измерять обычными понятиями добра и зла. — Хоффман поправил берет на голове. — Да и кто способен провести точную границу между добром и злом? Бог? Даже он этого не сделал.

Господь отделил свет от тьмы, сушу — от воды. А добро от зла? То, что считается скверным и ужасным в поведении наших противников, становится хорошим в поведении нас самих. Или наших друзей. То, что сегодня мы одобряем, завтра клеймим как нечто возмутительное. Не секрет, что иной авторитарный строй больше соответствует американским интересам, чем демократический. В свою очередь, Россия лучше ладит с иными монархами, чем с народными правительствами, пришедшими на смену. Разве нет? Так что не надо мешать масло с водой, а мораль — с политикой.

Я опьянелся воюгуг. Степь лежала навзничь, в забытьи. Невидимым гребнем ее любовно расчесывал ветер. Дышал он порывисто, шумно, обдавал меня пряными запахами чуужой земли.

Вдруг подумалось: если бы я был художником и мне предложили написать портрет *классического* американского рейнджера, я попросил бы позировать полковника Хоффмана. И не потому, что на его рукаве красовалась нашивка «Рейнджеры первые прокладывают дорогу!». И даже не потому, что он был прославленным командиром рейнджеровского батальона. Дело в ином: мозг этого человека был мозгом *рейнджера*.

История рейнджеровских подразделений уходит в глубь веков. «Отцом» рейнджеров считается легендарный майор Роберт Роджерс, родившийся в Америке 7 ноября 1731 года. Юность провел он в Нью-Гэмпшире^[44] где еще мальчишкой досконально освоил партизанскую тактику индейцев. Потом успешно применил ее во время боев с французами близ местечка Краун-Пойн г. Уже в 1758 году под его началом действовали девять рейнджеровских рот. Роджерс первым сформулировал устав и основы рейнджеровской тактики, среди которых до сих пор не потеряли актуальность такие положения, как «никогда ничего не забывай», «никогда не возвращайся в базовый лагерь прежней дорогой», «когда нет пуль, применяй штык и кулак» и прочее.

Война была его стихией. Мир тяготил Роджерса, казался безвременьем: от безделья он пустился в финансовые махинации. Боевые заслуги не спасли его от карающей десницы Закона. Скрываясь от нее, Роджерс бежал в Англию. Там он написал две книги и пьесу о своих похождениях, разбогател и вскоре вновь был отправлен в Америку — командовать фортом Макланек. Опять проштрафился. Скрываясь от властей, вернулся в Англию. Там влез в долги и по сей причине прочно сел в тюрьму. Прослышав о начавшейся в 1775 году Войне за независимость в Северной Америке, он бежал из тюрьмы, воротился в Новый Свет и предложил свои услуги Джорджу Вашингтону. Однако мудрый генерал испытывал такое недоверие к ветерану-рейнджеру, что приказал его арестовать. Но война была для Роджерса милей, дороже, чем родина, и он переметнулся на сторону англичан, став очень скоро во главе нескольких рот «королевских рейнджеров». Фортуна вновь круто изменила ему: он потерпел серию военных неудач и был вынужден удрать в Англию. Там

его ожидал еще один, последний в жизни бой. Бой с бутылкой. Рейнджер проиграл его. Спившись, он умер в полной нищете 18 мая 1795 года в Лондоне.

Эта вот веселая-превеселая, лихая шестидесятитрехлетняя жизнь стала истоком того, что двумя веками позже вылилось в мощные диверсионно-разведывательные подразделения армии США.

... 1-й рейнджеровский батальон майора Вильяма Дэрби высадился в Сицилии и вошел в ударную группировку генерала Паттона, который в июле 1943 года осуществлял прорыв в направлении Палермо. 1-й и 3-й рейнджеровские батальоны в январе 1944 года взламывали немецкую оборону вокруг города Систерна, облегчая наступление 3-й пехотной дивизии. Из 767 рейнджеров, участвовавших в этой операции, в живых остались лишь шестеро. 6-й батальон рейнджеров сыграл ключевую роль во время боевых действий американских войск на Филиппинах, осуществил уникальную операцию по освобождению более пятисот военнопленных. Однако американские военные историки свидетельствуют, что лишь 6-й батальон рейнджеров применялся по своему непосредственному назначению (спасательные и диверсионно-разведывательные операции) во время второй мировой войны. Все остальные — в нарушение рейнджеровского устава.

С 1945 года и по сей день в США не прекращаются дебаты вокруг элитарных частей и подразделений, к которым в первую очередь относятся рейнджеры. Защитники «теории военной элиты» основывают свои доводы не только на классических концепциях, но и на реальных выводах из исторического опыта. Их противники утверждают, что наличие элиты негативно воздействует на моральный дух армии, что регулярные части теряют лучших сержантов, переманиваемых в специальные подразделения. Что относительно малочисленные по составу рейнджеровские отряды сковывают, заставляя работать на себя, слишком большие силы поддержки (артиллерия, авиация, боевая транспортная техника), которые могли бы применяться более эффективно. Пожалуй, определеннее всех высказывался генерал Фредерик Кроусен (ныне в отставке), командовавший во Вьетнаме 23-й пехотной дивизией. Он неоднократно отмечал, что к слабым сторонам рейнджеровских подразделений относятся их нежелание оставаться в зоне боевых действий дольше заранее установленного (обычно очень короткого) срока; повадки и замашки примадонны: привычка в случае малейшей угрозы или сопряжения с противником вызывать на помощь вертолеты и десант...

Однако подобные споры не помешали созданию в 1984 году (по особому распоряжению министра армии Джона Марша) отдельного 75-го рейнджеровского полка.

Впервые после Вьетнама рейнджеры были задействованы в реальной боевой операции во время знаменитого «освобождения» американских заложников в Иране в 1980 году. И хотя они непосредственно не входили в состав группы «Дельта», предпринявшей безуспешную попытку спасти заложников, отряды рейнджеров были размещены на нескольких авиабазах в районе Ближнего Востока. В задачу отрядов входило обеспечение безопасности заложников во время их планировавшейся

переброски в США.

Во время агрессии США против Гренады 25 октября 1983 года 1-й и 2-й батальоны рейнджеров десантировались на крохотный остров с критически малой высоты — 500 футов. Жестоко расправились они с инакомыслием островитян. Военный успех этой карательной операции и воодушевил Пентагон на создание отдельного рейнджеровского полка. Правительство США официально поставило перед ним следующие задачи: **проводить** «боевые операции в поддержку политики Соединенных Штатов Америки, специальные операции против объектов в глубоком тылу противника, операции совместно с регулярными подразделениями, спасательные операции; **защитить** граждан США, сотрудников посольств США, американские инвестиции и собственность за рубежами Соединенных Штатов; демонстрировать повсеместно в мире готовность и решимость США отстаивать свои национальные интересы...»

— Да, — повторил полковник Бобби Хоффман, — не следует мешать мораль с политикой. Пустое это дело.

Фраза эта вернула меня из мира воспоминаний в мир реальностей. Вскоре слышался далекий рокот вертолетных движков.

— Люблю эту музыку, — Хоффман указал глазами куда-то в сторону горизонта. — В ней нет обмана.

Две урчащие точки долго летели над лесом. Потом скрылись из виду.

— Наши прилетят, — полковник строго глянул на часы, — минут через двадцать. Начало операции — ровно семьсот.^[45] Подождем еще малость.

Он откинулся на спину, подожив руки под голову. Я спросил его:

— После Вьетнама не кажется ли вам служба в Форт-Беннинге лирическим отступлением от главного дела жизни?

— Кажется. Но, во-первых, человеку иногда надо отдыхать от пуль, во-вторых, кто-то должен передавать опыт молодежи. А в-третьих, Форт-Беннинг — очень непродолжительное «лирическое отступление». Скоро, как я понимаю, мне предстоит перебраться в Западную Германию. Кстати говоря, командир Форт-Беннинга двухзвездный генерал Льюер, видимо, тоже через несколько месяцев окажется в Федеративной Республике. На сей раз — в качестве командующего группой американских войск. А здесь мне нравится. Нравится наблюдать, как всего за 58 дней мы превращаем какого-нибудь пехотинца-расхлебая в настоящего рейнджера. Каждый год мы готовим для армии около трех с половиной тысяч рейнджеров. Обычно это люди от 22 до 28 лет. Всего 14 классов. В каждом — по 255 человек. Ребята тренируются и в пустынях, и в горах, и в условиях болотистой местности. Беннинг — одна из стадий их подготовки. Если общевоинские спортивные нормативы зависят от возраста солдата или офицера, то для рейнджеров нет скидки на годы. Генерал Льюер — рейнджер. Ему 54 года. Однако во время теста по физподготовке он должен уложиться в те же нормативы, что и двадцатилетние юнцы. Чтобы попасть в рейнджеровскую школу, необходимо сдать спортивный экзамен: отжимы от земли (52 раза за две минуты), качание пресса (62 раза за две минуты), подтягивание и бег (две мили за 14 минут 54 секунды)...

Подсевший к нам молоденький капитан Хорс добавил:

— Еще надо сдать экзамен на выживание в воде: проплыть с полной боевой выкладкой 15 метров, не замочив при этом М16; сделать это же, но с завязанными глазами; находясь под водой и не имея возможности дышать, снять с себя башмаки, все ремни, одежду и лишь после этого всплыть на поверхность.

— Да, — сказал полковник, — есть масса требований к тем, кто хочет попасть в нашу школу. Необходимо: иметь талант лидера, уметь оказывать первую медицинскую помощь в боевых условиях, ориентироваться на местности без карты, корректировать огонь артиллерии, наводить авиацию, пользоваться рацией, вести разведку боем... Всего не перечислить, но уметь надо! Я прав, капитан?

— Как всегда, — с улыбкой отозвался тот. — Однако главная задача школы рейнджеров — воспитывать лидеров, командиров, которые могли бы потом передать свое умение подчиненным солдатам. Ведь всю армию через школу не пропустишь...

— Лидера невозможно назначить. Им можно стать лишь естественным путем — в процессе отбора. Как в волчьей стае. Кстати, есть несколько точек зрения на сей счет. Одни утверждают, что истинным лидером является человек, способный на деле доказать своим солдатам, что он тот самый командир, который может успешно провести операцию и сохранить их жизни. Другие говорят, что в основе таланта лидера лежит способность пробудить в подчиненных желание исполнить твой приказ. Не заставить, а именно пробудить желание подчиниться твоей воле. Школа рейнджеров поможет тому, в ком врожденный талант лидера проявлен слабо, победить неуверенность в себе, понять ее причины и, наконец, избавиться от них.

Далеко на востоке послышалось едва уловимое гортанное рычание. От опушки леса отделились четыре маленькие точки. Потом появились еще две. Они начали быстро расти и скоро превратились в шесть грохочущих «вертушек» — четыре «блэкхока» и два вертолета огневой поддержки десанта. Ураганный ветер, поднимаемый несущими винтами, провел ровный пробор в траве метров на тридцать.

— Не сдуло бы, — пошутил Хорс, втыкая в уши пластмассовые затычки. Хоффман и я последовали его примеру.

— Во Вьетнаме, — крикнул полковник, приставив ладони ко рту, — «хью», в отличие от «блэкхоков», были на лыжах. Для облегчения веса и увеличения грузоподъемности. Но потом фирмы Сикорского и «Макдоннелл-Дуглас» перешли на шасси.

Четыре юрбальные грушпы забираются в вертолеты. Я сажусь рядом с полковником и капитаном. Пристегиваюсь ремнями.

Борта «вертушек» сделаны из обычной нержавеющей стали. Бронированы лишь сиденья.

Обе двери открыты, сквозящий ветер холодит разгоряченное солнцем и бегом лицо.

Первыми от земли отрываются вертолеты огневой поддержки. Чуть позже — четыре «блэкхока». Наша «шестерка» набирает скорость и идет метрах в двадцати над землей и приблизительно пяти — над верхушками деревьев.

После Афганистана все это напоминает какой-нибудь средний аттракциончик в ЦПКиО имени Горького. Даже когда при резком повороте вертолет валится вдруг на бок и лишь центробежная сила да ремень безопасности мешают тебе вывалиться вниз через

распахнутую дверь.

Хорс растирает тонкими указательными пальцами бледные виски. На кирпичного цвета лице Хоффмана греется слабая улыбка.

Минут через пятнадцать командир экипажа резко сбрасывает скорость. Вздывая клубы пыли, земли и песка, вертолеты садятся. Фонтанами из каждой двери выскакивают рейнджеры, бегут метров двадцать, падают, занимая круговую оборону.

Посверкивая синими проблесковыми маяками, над нашими головами кружатся вертолеты огневой поддержки. Дождавшись взлета «блэкхоков», они все вместе, вшестером, набирают высоту, быстренько уходят за горизонт.

Песок вперемешку с пылью колет глаза, скрипит на зубах

— Издержки войны, — улыбается Хоффман, сплевывая серую тяжелую слюну.

— Поздравляю! — машет рукой Хорс. — Рейнджеры в Алабаме. Сейчас мы ее мигом завоюем.

Где-то вдалеке послышалась автоматная стрельба, крики: видно там, ближе к реке, сшиблись две разведки.

— Гоу! Вперед! — сдавленно, хрипло кричит сержант Трейди Пью и кончиком языка облизывает сухие, обескровленные губы. В его правой руке — М16, в левой — свежеструганная ясеневая палка.

Коротенькими перебежками мы рысим в сторону опушки. Под ногами хрустят кусты дикого терна, бурьян. Позвякивая лопатками, магазинами, гранатами и винтовками, впереди галопируют четыре сухонькие фигурки. За ними спешит «штаб» из трех человек — командир группы, радист и пулеметчик. Это — «Альфа». Чуть позади пылит «Браво». Рейнджеры четко держат расстояние: десять метров между десантниками, двадцать — между «Альфой» и «Браво».

Вдали — изгиб проселочной дороги. Вдоль нее неровным строем, словно с похмелья, едва стоят почерневшие от времени и дождей столбы «высоковольтки». Трейди Пью поднимает правую руку: мы мигом приседаем на правое колено. По очереди пересекаем дорогу, идем еще мили три-четыре и, не доходя двадцати метров до змей извивающейся тропинки, покрытой, словно чешуей, осклизлыми прошлогодними листьями, ложимся на сырую землю: засада.

Хоффман отворачивает крышку фляги, жадно пьет теплую воду. Хорс снимает каску, платком цвета хаки вытирает взмыленные лоб и шею.

— Засада на войне, — тихо говорит посвежевший Хоффман, — была суррогатом счастья: хоть чуток можно было отоспаться. Правда, если «отрубался» и часовой, то сон иной раз становился вечным.

— Спи, солдат, — почему-то шепчет Хорс. — Бог хранит твой покой.

— Сколько вы проторчали во Вьетнаме? — Я поворачиваю голову в сторону полковника.

— Два тура. Последний — в 1972 году. Было мне тогда двадцать четыре. Чуть помоложе тебя. А когда всю ту кашу заваривали, думал, война продлится от силы год. В итоге всё растянулось на десять лет. Через Вьетнам прошло более 2,7 миллиона американцев. 58 тысяч из них погибли. 300 тысяч были ранены. Почти две с половиной

тысячи человек пропали без вести или оказались в плену...

— Никто никогда ничего не знает, — говорит капитан Хорс. — В 69-м всю информацию о потенциальных возможностях «чарли» и Северного Вьетнама, об американском экспедиционном корпусе в Юго-Восточной Азии, о ресурсах всех завязанных в конфликте сторон — словом, все это заложили в память пентагоновского компьютера. А потом спросили машину: когда же, черт побери, Америка победит? Электронный мозг выдал быстрый ответ: уже победила. Пентагоновцы попросили уточнить ответ. Компьютер уточнил: Америка победила в 1964 году. Однако война шла не по законам электронной логики...

Над нашими головами, в беспредельной небесной высоте безмолвно плывут два истребителя. Выбросами реактивного топлива они перечеркивают небо.

— Еще не успев начать ту войну, — Хоффман снимает часы, трет правой рукой запястье левой, — мы проиграли ее на домашнем, внутриамериканском фронте. Нация не поддержала военных. Журналисты настроили страну против ее же армии.

— Я знаю многих ваших журналистов, работавших во Вьетнаме, — сказал я, а сам подумал: «Борьба с журналистским инакомыслием, видно, любимое хобби американских офицеров». — По-моему, они не ставили перед собой такой задачи. Их задача была в другом — информировать страну о том, что происходит там, где гибнут дети Америки. Америка обязана была об этом знать. Если бы она не знала, то не поднялась бы на антивоенную борьбу, и во Вьетнаме погибло бы не 58, а 158 тысяч. Так что, может быть, журналисты были единственными героями той войны. Но вот позиция Пентагона была весьма странной: заставить страну не думать о Вьетнаме, затруднив работу репортерам, сделав трупы солдат «не подлежащими осмотру».

Рот Хоффмана кривится в улыбку. Хорс что-то внимательно разглядывает, уткнувшись в бинокль. А мне вспоминается та знаменитая инструкция, касавшаяся сопровождения цинковых гробов из Вьетнама в Соединенные Штаты. «...Каждому усопшему должен быть предоставлен гроб и сопровождающий его человек... особое внимание следует обратить на выбор сопровождающего, который мог бы успокоить членов семьи умершего и оказать им посильную помощь. Задачей сопровождающего является обеспечение воздаяния усопшему почестей, достойных павшего воина вооруженных сил Соединенных Штатов. В его обязанности входит: 1) по всем пунктам следования проверять сохранность ярыжков на гробах, 2) принимать меры к тому, чтобы родственники не вскрывали гроб, в случае если надпись на ярыжке гласит, что останки не подлежат осмотру. Помните, что „не подлежат осмотру“ именно это и означает...»

Не потому ли инструкция эта вспоминается мне столь отчетливо, что нечто аналогичное приходилось слышать и в Афганистане?

— В пору Вьетнама, — продолжает Хоффман, — меня всегда бесило, что те люди, которые больше всего возмущались нашими действиями в Азии, службы в армии избегали, воевать не шли. Зато сегодня мы поменялись местами. Вьетнам уже больше не позор, а заслуга. А вот тот, кто кричал на перекрестках: «Детубийцы! Детубийцы!» — тот остался в дураках.

«Интересно, — думаю я, — а как будут относиться к той войне американцы лет, скажем, через десять — пятнадцать?»

Хоффман берет у Хорса бинокль. Но не глядит в него. Вертит в руках. Левая бровь его нервно изгибается, мелко дрожит.

— Мне, — говорит он, — довелось участвовать в самой последней официально зарегистрированной боевой операции американских подразделений во Вьетнаме. Дело было осенью 1972 года. Войска уже выводились. Самое страшное — погибнуть в последний день войны. Боевым лозунгом солдат в ту осень стала фраза: «Спрячься и вернись домой живым». Никому не хотелось стать «последним американцем, убитым во Вьетнаме». Как говорится, мы все сидели на чемоданах. Обычная боевая задача «обнаружить противника и уничтожить» постепенно свелась к «остаться любыми средствами живым». Вывод войск не принес радости. Он лишь обострил в солдате ощущение, что его обманули. Ни виски, ни наркотики, ни курево не могли вытравить из души это ощущение. Дома война уже была признана ошибкой и преступлением, а нам все еще приходилось сидеть в окопах. Как вспомню те дни — зубы ломить начинает.

— Вы упомянули о последней операции во Вьетнаме... — говорю я.

— Ах, да. Последняя операция, так ее и разэтак. Я был тогда в войсках специального назначения — «зеленым беретом». На боевые мы ходили не с М16, а с АК-47. В условиях джунглей ваш автомат лучше, верней: не так рикошетит — пуля-то потяжелей, да и скорость ее поменьше. Калашников — молодчина, все предвидел. Кроме того, когда мы начинали стрелять, «чарли» зачастую принимали нас за своих и топали прямо к нам в руки. Я командовал ротой. Послал группу на вертолете прочесать квадрат севернее нашей базы. Вдруг они возвращаются. Спрашиваю: в чем дело? А они: там сильное противодействие — огонь противника, мы решили не ввязываться в бой. Но вертолетчики объясняют иначе: просто крона дерева царпнула борт — огня не было. Я приказываю ребятам лететь в тот же квадрат опять. Но сержант — ни в какую! Сэр, говорит, я проторчал в этом дерьме больше года и не собираюсь погибать в нем напоследок. Я повторяю приказ. Тщетно. Ладно, говорю сержанту, сиди здесь, я сам поведу ребят. Если он психологически не готов лететь в джунгли, то черт с ним, решил я, не буду его ломать. Кроме того, возвращаться — не самая добрая примета.

— Вы были тогда женаты? — Я задаю этот вопрос полковнику, потому что знаю: холостому на войне проще, чем женатому.

— Да, — отвечает он, — ребенку пять месяцев только исполнилось... Словом, выбросили нас в указанный квадрат. Бродили мы по джунглям пять дней, пять ночей, устроили уйму засад. И все-таки Бог миловал: вернулись целыми. Лег я тогда на койку: вытянулся, хрустнул всеми переутомленными суставами и отчетливо почувствовал свое моральное превосходство над безумной затеей, именуемой жизнью... Я понял, что смерть — это мое самое верное убежище, далее которого ни один враг не сможет преследовать меня. Как сказал поэт, «пусть они иступленно беснуются, ты спокоен в могиле своей». Тебе, кстати, не надоел этот разговор о том, что человек делает на войне и что война делает с ним?

— Наоборот.

— Ты тоже, что ли, жаждешь заполучить пакет акций в международной корпорации грешников? — по губам Хоффмана змейкой скользит улыбка.

— Лишь в том случае, если вы предоставите мне право на долю в искуплении грехов.

— Ладно... «Как человек ни согрешит, Бог милосерден: он грех простит». — Улыбка опять кривит его рот. На сей раз она печальней моцартовской «Лагримозы».

— Полковник, — говорю я, — вы прямо-таки рейнджер-интеллектуал. Небось втихаря стихи строчите?

— Стихи — нет. А вот книгу про бег написал. Называется «Искусство бега».

— Хотите убежать от своих грехов?

— Отнюдь. Все мое ношу с собой...

— Как развивались события после вашего последнего боевого выхода?

— Обычно. Продолжался вывод войск. Они стягивались к городским центрам, потом направлялись в Сайгон, а оттуда — домой. Последними уходили рейнджеры и «зеленые береты», которые, понятное дело, ничего изменить не могли, но командованию было спокойней от сознания, что мы продолжали чесать джунгли. После того как последнее подразделение американских солдат покинуло Сайгон, в Южном Вьетнаме еще на протяжении трех лет оставались военные и гражданские советники. На них все смотрели как на смертников. Многие погибли. Некоторые поскользили с ума. Советники не сомневались в том, что их предали. Оставлять их без защиты было вздорным решением. Впрочем, оно — элемент проводившейся тогда политики «вьетнамизации», целью которой было заставить южных вьетнамцев взять инициативу у американцев, а не сваливать решение всех проблем на наши плечи. «Чарли» и Северный Вьетнам не мешали нам уходить. Наоборот, всячески способствовали этому. Они-то хорошо знали, что без американцев им ничего не будет стоить развалить сайгонский режим. Честно говоря, я думал, что Юг продержится дольше. Но уже к весне 75-го все было кончено. А тогда, в 72-м, мы яростно убеждали самих себя, что оставляем хорошо вооруженную, боеспособную армию. Мы лгали себе. Бывают союзники надежные, а бывают такие, как армия Южного Вьетнама. На каждом шагу они предавали нас, а в конце уже откровенно играли на два фронта.

Хоффман дышит на свои наручные часы, протирает их рукавом. Внутрь, видно, проник пот и затуманил стекло.

— Эх, черт! — ругается он, но кого имеет в виду, не понять — то ли бывшего боевого союзника, то ли запотевшие электронные часы. — А потом, — продолжает полковник, — Америка занялась поиском «ведьм» — виновников вьетнамской эпопеи. Сначала журналисты валили все на Джонсона, потом на Кеннеди, Макнамару... Но пуще всех досталось генералу Уэстморленду. — Вдруг лицо его искажает гримаса ненависти, он орет: — Ого-о-онь!

Автоматически я нажимаю на спусковой крючок. Через пару секунд лесок наш трещит, хлопает, взрывается, ухает: «Альфа» и «Браво» ведут суматошный огонь по вдруг показавшемуся в кустах «противнику».

Винтовка каждого из нас снабжена лазером. Спину и грудь обтягивает особый жилет,

подсоединенный к электронному гудку на каске. Если «противнику» попадает в тебя лучом, гудок мгновенно начинает пищать: ты «ранен» или «убит».

К концу лазерной перестрелки вся рожица пищит от обилия «трупов». Они, правда, как ни в чем не бывало пьют воду из фляг, перешнуровывают башмаки. Словом, ведут себя абсолютно наплевательски по отношению к смерти.

Сержанты деловито подсчитывают потери.

Потом мы встаем и длинной цепочкой идем куда-то на северо-восток по бесконечным степям Алабамы. Одну речку переходим вброд. Через другую — ту, что поглубже, — переправляемся с помощью натянутого над ней каната. Ноги ноют, тоскуют по вертолету...

К вечеру мы возвращаемся в Форт-Беннинг. Я прощаюсь с Хоффманом и Хорсом.

— Пока, — говорит капитан Хорс и протягивает мне руку.

— Пока, — говорит полковник и устало жмурит глаза.

В них такая жуткая даль, какую человеку, кажется, не одолеть и за тысячу лет жизни.

— Пока...

Последняя встреча

На обратном пути в аэропорт я останавливаюсь у небольшого магазинчика, приютившегося на одной из улиц Колумбуса. Здесь, как мне сказали, работает лейтенант Колли, тот самый Колли, что отдал приказ о расстреле мирных жителей деревни Сонгми. Перед Вьетнамом лейтенант проходил подготовку в Форт-Беннинге. После Вьетнама осел в соседнем с базой городке.

— Что вы желаете? Я к вашим услугам, — говорит среднего роста человек, появившийся в дверях.

— Я хотел бы поговорить с мистером Колли. Если это, конечно, возможно.

— А вы, собственно, кто? — Человек приближается к прилавку и кладет на его стеклянную поверхность свои белые, чуть толстоватые руки. Вроде руки как руки. Но почему-то от одного их вида меня начинает тошнить.

— Я журналист.

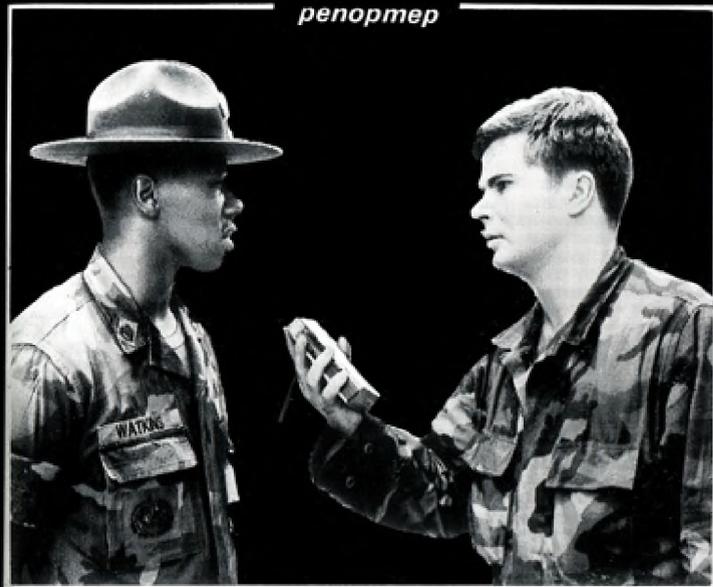
Человек резким движением снимает очки в золотой оправе и несколько секунд неподвижно смотрит на меня в упор. Резко поворачивается и уходит, хлопнув за собой дверь.

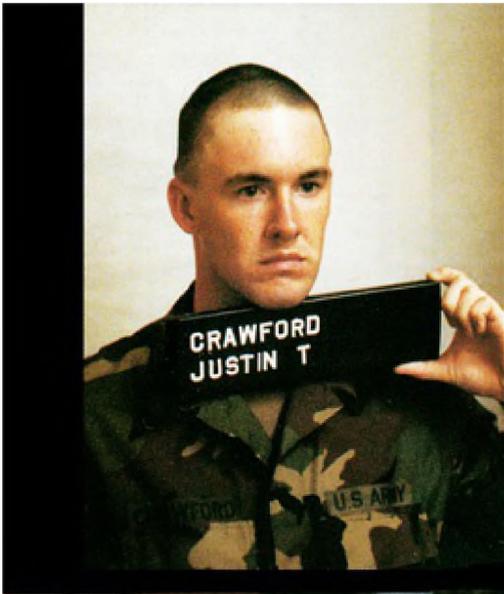
До меня доносится его приглушенный смех.

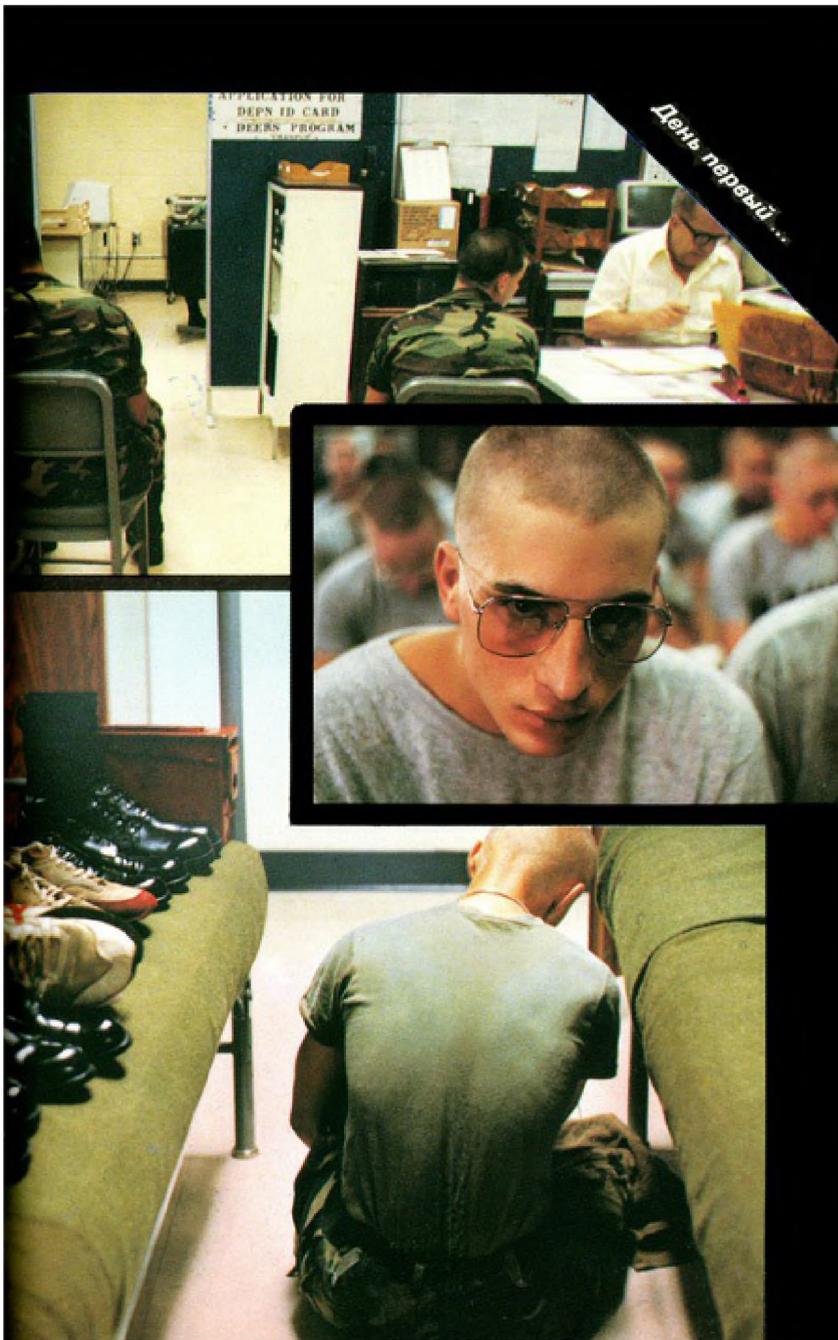
... Через пятнадцать часов я поудобней устроился в кресле трансатлантического авиалайнера ИЛ-62М, отправлявшегося из Нью-Йорка в Москву. Лишь когда гигантский город окончательно скрылся за дымовой завесой облаков, я понял, что моя служба в американской армии завершилась.

Иллюстрации

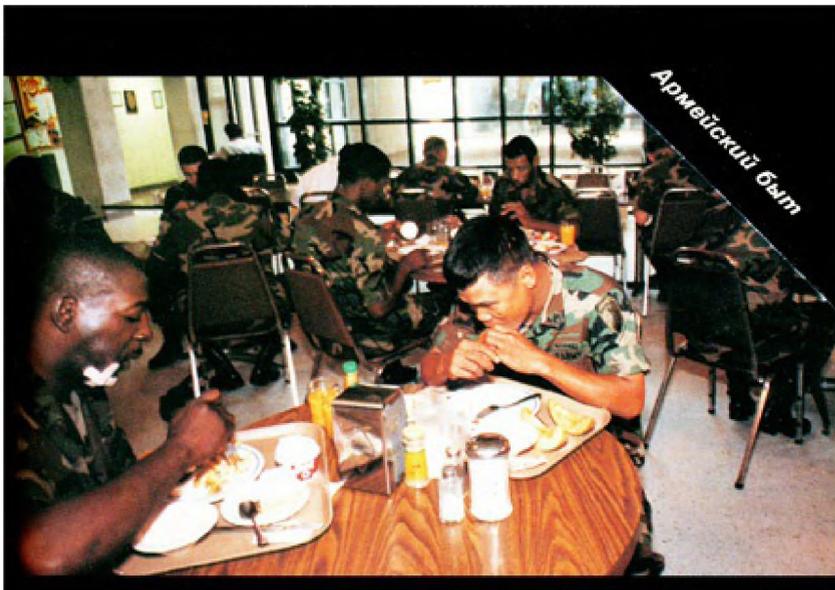
*Солдат-
репортер*

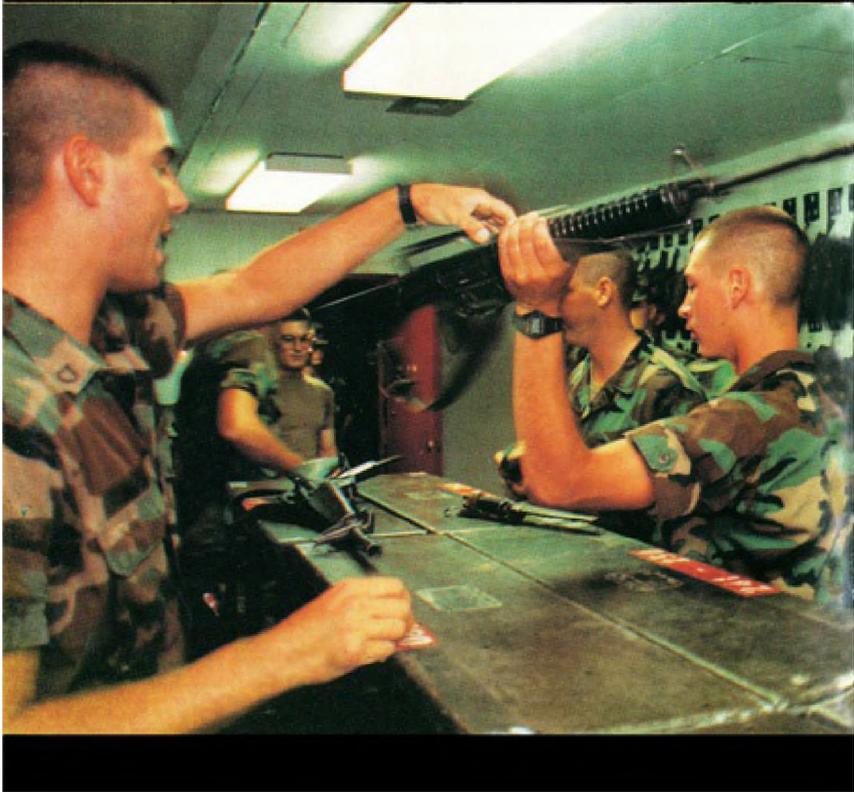
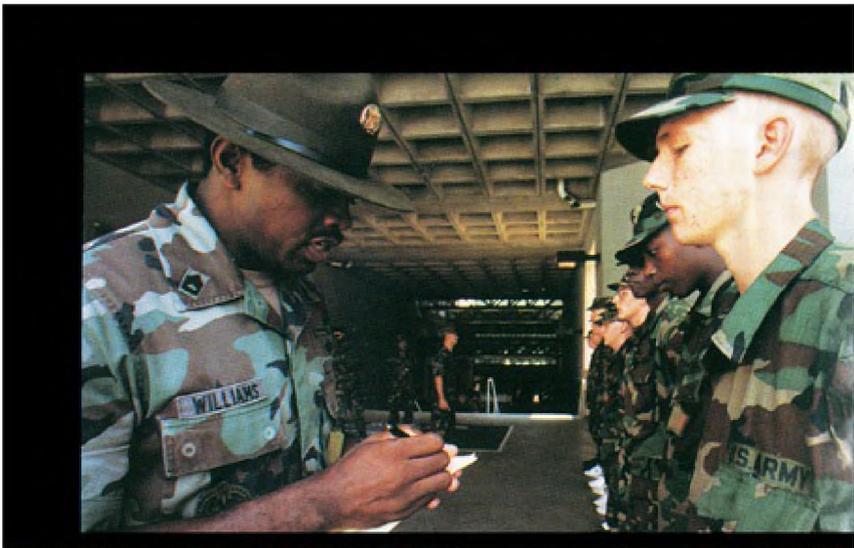

Армейский быт

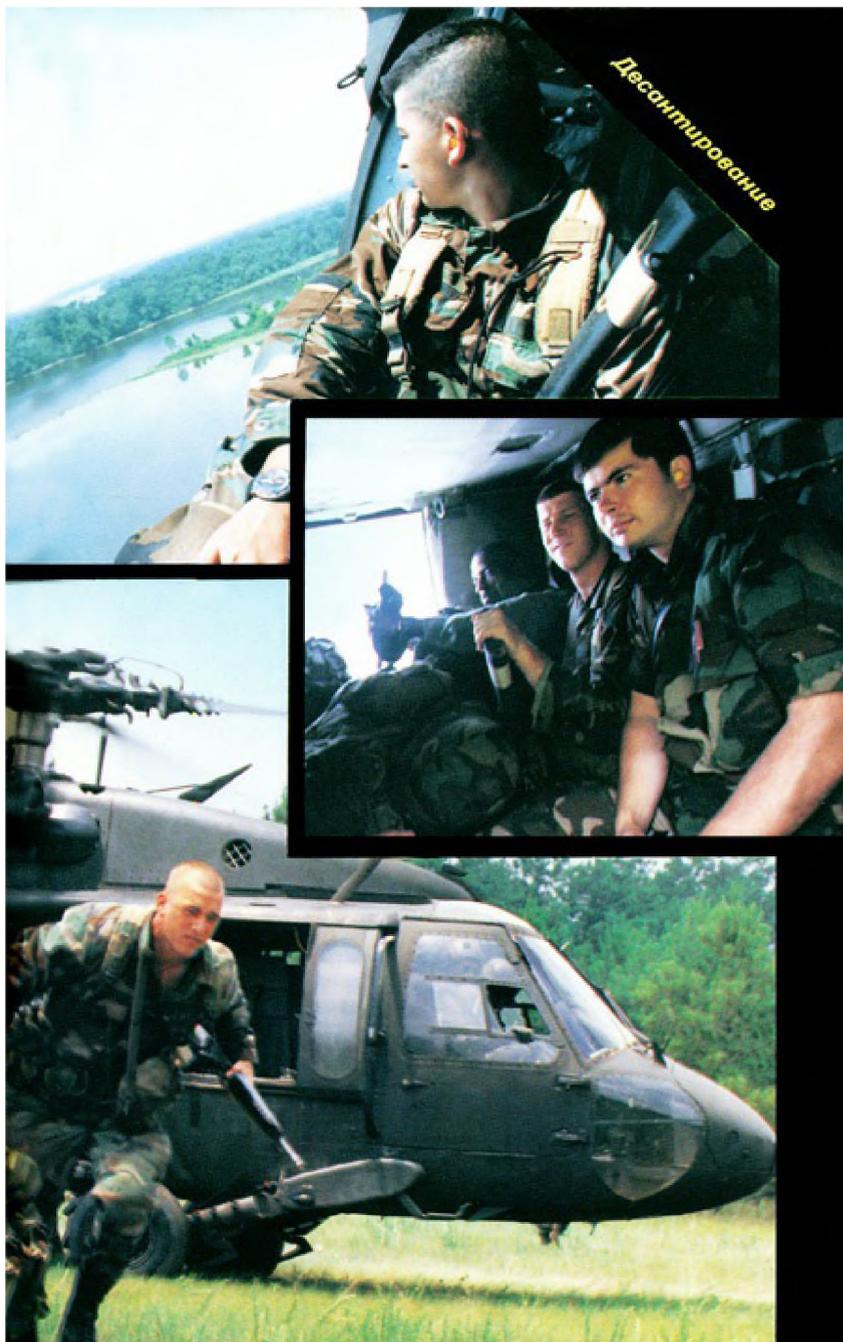

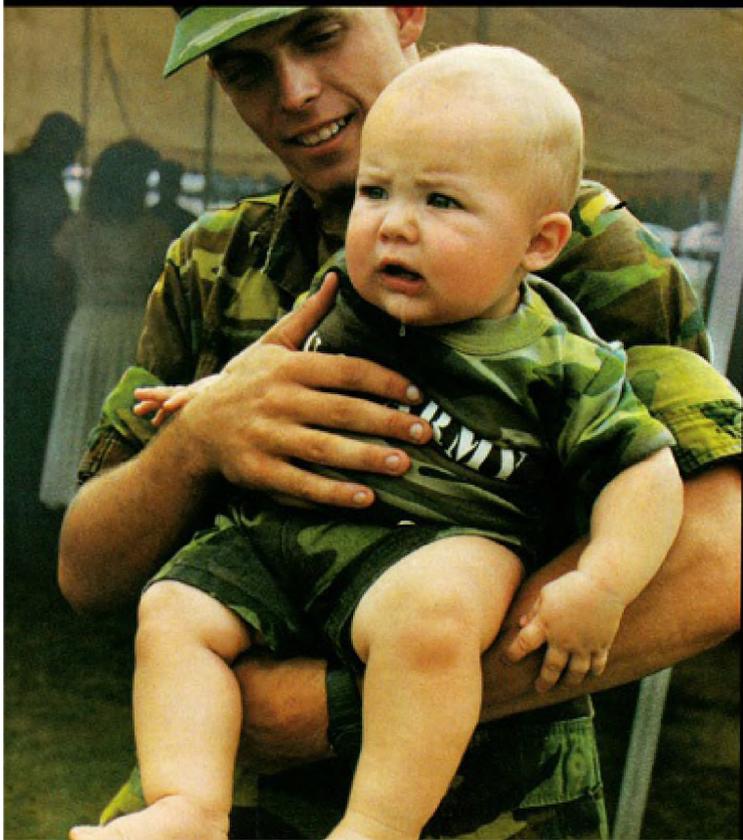

Первая помощь
в «боевых» условиях

Армия и семья

«Учебка» закончена

Примечания

1

Беннинг Генри Льюис (1814–1875) американский военачальник, участник гражданской войны в США.

2

Штат на юге США, где расположен Форт-Беннинг.

3

Город рядом с Форт-Беннингом.

4

Фунт — 0,4536 кг.

5

Фут — приблизительно 30,5 см.

6

Паттон Джордж Смит — младший (1885–1945) — американский военачальник, в годы второй мировой войны командовал рядом армий.

7

Рейнджеры — военнослужащие диверсионно-разведывательных подразделений.

8

Административный центр штата Джорджия.

9

Генерал-майор.

10

Аэропорт на канадском острове Ньюфаундленд.

11

«Летать» (*to fly* — *англ., жарг.*) — находиться в наркотическом опьянении.

12

Город в штате Нью-Джерси, надалеко от Филадельфии.

13

Новая народная армия (ННА) — так именуют себя филиппинские повстанцы, выступающие против центрального правительства.

14

Соседний с Джорджией штат.

15

Боевая машина пехоты.

16

Т. е. получил гражданство США.

17

82-я воздушно-десантная дивизия.

18

Social Life — общественная жизнь (*англ.*).

19

«Макдональдс» система закусок, разбросанных по всей Америке.

20

Так американские солдаты называли южновьетнамских партизан (от кодового обозначения «Вьетконг» — вьетнамский коммунист — по первым буквам «Виктор Чарли»).

21

Так в американской армии обозначаются роты в батальоне: начальные буквы этих слов соответствуют порядку букв в английском алфавите: «А» — «Альфа», «Б» «Браво» и так далее.

22

Привилегированное военное училище сухопутных войск.

23

Напумевшая в США антисоветская картина.

24

Военные базы США на Филиппинах. 17 октября 1988 г. договор был продлен: в обмен на это Филиппины получают от США в 1990 и 1991 фин. гг. в общей сложности 962 млн. долларов в виде военной и экономической помощи.

25

«Американская школа» (*исп.*).

26

Гудериан Хайнц Вильгельм (1888–1954) — немецко-фашистский генерал-полковник. Во второй мировой войне командовал танковым корпусом, танковой группой и армией. В 1944–1945 гг. начальник генштаба сухопутных войск.

27

Мемфис — город на юге США, в штате Теннесси.

28

Американский психиатр и публицист.

29

Национальная гвардия — территориальные воинские формирования в США (около 400 тыс. человек), являющиеся резервом регулярной армии. Национальные гвардейцы также проходят переподготовку в Форт-Беннинге.

30

Американский писатель, прославившийся своими романами на современную военную тематику, «соловей» тамошнего министерства обороны.

31

Литл — маленький (*англ.*).

32

Биг — большой (*англ.*).

33

Тактико-технические характеристики.

34

Бронетранспортер.

35

Уэбстер Н. (1758–1843) американский лексикограф, в 1928 г. издал в Нью-Йорке «Американский словарь английского языка» (3-е издание выпущено в 1961 г.), который содержит около 450 тыс. терминов, бытовавших или бытующих в английском языке с 1755 г., дает их произношение и этимологию. Выпущены сокращенные варианты словаря, а также географические, биографические и другие «уэбстеры».

36

Имеется в виду, что время — 5.00 утра.

37

Молодые солдаты.

38

Клаузевиц Карл (1780–1831) — немецкий военный теоретик и историк, прусский генерал. Участвовал в войнах с Францией. С 1812 по 1813 г. — на русской службе. Клаузевиц первым разработал положение о войне как продолжении политики.

39

Генерал Уэстморленд — командующий американскими войсками во Вьетнаме.

40

Штаб Тихоокеанского командования находится в Гонолулу на Гавайских островах.

41

Ярд — 0,9144 м.

42

Скаутизм — распространенная в США система военного воспитания. Скаутские организации объединяют молодежь 8–18 лет и делятся на бойскаутские (мальчики) и гёрлскаутские (девочки).

43

Современный военный вертолет ВВС США, предназначенный для высадки десанта.

44

Штат на северо-востоке США, один из 13 первоначальных штатов, его заселение началось в 1623 г.

45

7.00 утра.

Содержание

Предисловие	5
От автора	6
«Перестройка» — полным ходом!	6
Прощайте, шевелюра и... сигареты	10
Не бабья работа?	15
«Образ врага»	17
Должен ли солдат размышлять?	23
Пробежка с ветераном	28
Что сказал бы Суворов?	35
В кого я стреляю?	37
Странная страна Америка	40
Командир форта	43
Бог и армия	48
Маленький большой лейтенант	52
Доминик-Инецца из Чхонджу	56
Хребет американской армии	57
Портрет рейнджера	64
Последняя встреча	73
Иллюстрации	73